

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

5 1962

ГОЛОСОМ ЗА КОМУНИЗМ!

Близится 18 марта — день выборов в верховный орган власти Страны Советов. В этот день миллионы советских людей отдадут свой голос за самых преданных сынов и дочерей нашей Родины, которых народ назвал своими кандидатами. Праздничным весенним утром на избирательный участок придет и ты, наш молодой читатель, если тебе исполнится к этому времени восемнадцать лет.

Нынешние выборы в Верховный Совет СССР особенно значительны: ведь вместе с избирательными бюллетенями советские люди дают великий наказ своим избранным — во всей своей деятельности руководствоваться Программой построения коммунизма, утвержденной на XVII съезде КПСС.

Каждая строчка этого грандиозного документа современности, каждое его слово, направленное в будущее, берут начало в сегодняшнем дне. Словою отмечая этапы нашего большого похода к коммунизму, вспоминая огни электростанций на Волге и Ангаре, поднимаясь к небу трубы металлургических комбинатов на Украине и в Сибири, вставая выше автоматизированной нефтедобычи в Туймазах, возникая элеваторы-гиганты в Кулундинской степи, зажигаюся огни новых городов, поселков, кварталов.

Наше стратегическое движение вперед не замедлит обычной мерой, как не уложится в привычные рамки времени полет космического корабля «Восток-2», на котором Герман Титов

за двадцать пять часов промчится через семнадцать земных суток. Ведь только за три года семилетки промышленное производство в стране увеличилось на тридцать три процента. За эти три года — нефть трех Баму, электроэнергия тридцати Днепростов, а стали больше, чем выплавляет все Англия за год. В больше, чем у нас уже вселилось около тридцати миллионов человек. Это значит, что счастливого племени новоселов в нашей стране за три года превалило все население Испании.

Вот он, открытый трудом народа счет коммунизма, основа великого плана предстоящего двадцатилетия. И в этом немалая доля твоей энергии, наш сверстник.

Коммунизм, о котором на протяжении долгих веков мечтали люди, становится делом рук твоих, твоего разума, твоей жизнью. Ведь это ты и смыслил тысяч твоих сверстников поднял всеобщую цепь. Ведь это ты и миллион двести пятьдесят тысяч твоих ровесников трудился на насстройках Сибири, Севера, Дальнего Востока. Коммунизм поднимается на возводимых тобой фундаментах Запсиба, идет по рельсам железной дороги в Саянск, которую прокладывает юность, набирается жизнеспособными силами на полях некогда мертвой Голодной степи, возвращающей к жизни волей молодых патриотов.

А десяти миллионов твоих сверстников — депутаты Советов, члены комсомольских штабов, участники рядов, экономических комис-

сий, народные дружины, общественные контролеры и инспекторы — каждый день решают государственные вопросы коммунистического строительства. Это подлинное торжество нашей советской демократии.

И сколько бы ни трубили адвокаты капитализма о преимуществах так называемого западного «демократии», им не навести тень на белый день. Коммунисты Страны Советов за самые короткие исторические сроки разрешили такие социальные проблемы, которые не могут решить за все время своего существования десятки и сотни буржуазных партий. Это закон о завершении перевода рабочих и служащих на сокращенный рабочий день. Вспомни: в стране экономического чужака, прославляемого борзополцидами Запада, — ФРГ рабочая неделя молодого рабочего достигает восьмидесяти четырех часов.

У нас был утвержден закон об отмене налогов с заработной платы. А в странах монополистического капитала налоги на трудящихся с каждым годом уваливаются. В нашей стране из года в год расширяются права национальных республик, а в США ни одна из правящих партий вот уже на протяжении целого столетия не может покончить с позорной дискриминацией негров, обуздать расистов.

Надвигая один из выдающихся республиканской партии Союединенных Штатов Америки приказы, что нельзя-де запретить гонку вооружений, издание разлагающей юношество порнографической литературы, потому что тем самым будет нарушена свобода предпринимателей... Лучше не скажешь! Свобода американской «демократии» — это право капитала, ожестого дьявола на проповедь войны, истребление человечества, на беззастенчивость действий неманых нефоцистских банд молодчиков Бэрна, на кровавые побоища Литл-Рока.

Наш советский закон утверждает неотъемлемые права народа, твои права, наш молодой сверстник.

Вспомни даже свои гражданские обязанности: всеобщее обязательное обучение — обя-

Герман Ламочкин — строитель, бригадир комплексной бригады коммунистического труда. Вместе со своими товарищами он возводит жилые дома, магазины, детские сады в поле. Сколько людей уже привнес радость их крепкие, умелые руки! Сколько новоселов добрым словом похвалят строителя, переступая порог своих новых квартир! И может быть, самым лучшим, самым высоким выражением признательности и благодарности людей за честный, самоотверженный труд стало для Германа Ламочкина выдвижение его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Люди, посвятившие молодому комсомольскому строителю это большое доверие, не сомневаются: Герман Ламочкин с честью будет нести вахту на капитанском мостике страны!

Фото В. МИШИНА.

занность учиться; кто не работает, тот не ест — обязанность работать, обязанность бороться с бесхозяйственностью, тунеядцами. Ведь эти обязанности и есть те права, о которых может лишь мечтать молодежь, живущая в буржуазных странах.

Дайте возможность учиться любому из семист миллионов людей, не сумевших получить в капиталистическом мире даже начального образования, — и он воспримет это как выдающееся право. Дайте работу любому из пяти миллионов безработных американцев — и это будет для него свершением мечты. Сделайте управление государством обязанностью любого рабочего и крестьянина Греции или Уругвая, Португалии или Японии, Дании или Турции, дайте ему возможность бороться с тунеядцами, с людьми, живущими нетрудовыми доходами, — и он почтет это за великое гражданское счастье.

Вот и выходит, что право по-буржуазному — это рабство на практике, а обязанность по-советски — это великие права и свободы на деле.

Советская власть дала тебе все права, за исключением одного — пренебрегать своими правами, стоять в стороне от великого дела преобразования общества, унывать и обрабатывать свою личность равнодушным стороннего наблюдателя. Ведь на долю нашего молодого поколения выпало великое счастье не только строить коммунизм, но и жить при коммунизме. Сегодня творческие способности каждого из нас становятся народной ценностью. Сегодня огромное значение приобретает формула: «От каждого по способности...»

Коммунизм не упадет готовеньким с небес. Его торжество зависит от трудовых усилий всех советских людей. И ты не имеешь права такт свои способности под скупом обывательской самоуспокоенности. Каждый молодой человек обязан учиться, совершенствовать свои знания. Ведь чем полнее и скорее раскроется твой талант, тем скорее на нашей земле возторжествует коммунизм. Вот почему партия Ленина хочет, чтобы твоё сердце было так же мужественно, как сердце Юрия Гагарина и Германа Титова, чтобы гражданское чувство в тебе было таким же высоким, как у Валентины Терешковой, чтобы руки твои были такими же ловкими и мудрыми, как у Турсуной Азуновой, а твоя творческая мысль такой же пылкой, как у Александра Гиталова и тысяч других наших замечательных людей.

Тем и прекрасна наша советская эпоха, что партия и народ предъявляют высокие требования к молодому человеку. В этом вера в твои творческие силы, в твои качества бойца за коммунизм. Вспомни слова Программы КПСС: «Партия расширяет молодежь как созидательную, творческую силу в борьбе советского народа за коммунизм».

Вот почему, голосуя 18 марта, ты будешь голосовать за это великое доверие, за свои великие права, за коммунизм.

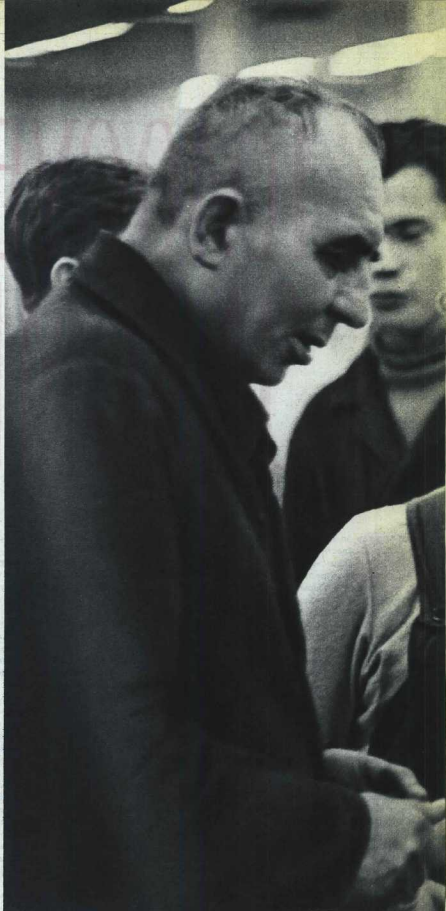
Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

МАРТ
1962

Для издания требуется разрешение

Н. ВАСИЛЬЕВ. Фото М. МУРАЗОВА.

УДАР

Героиня нашего фотомерид — девушка по имени Галя. Обаятели у нее прорастают Позднихова. Имят она в городе Курск, на одной из его окраин, столь же, впрочем, отдаленной от центра города, сколь и многолюдной, оживленной, шумной, ибо сама окраина эта — недавно отстроенный заводской поселок. А работает Галя Позднихова на заводе синтетических волокон.

Мы обратили внимание на эту девушку в красной носынке, когда вошли в штапельный цех завода. Кто-то удивительно спокойно и в то же время сноровисто ходила она вдоль огромного агрегата, срезала намотавшись на барабан волокона, легко, можно даже сказать, с немыслимо направленной ручейки лаваса, подлиющая их и обдувая потоку. Она все делала красиво; чувствовалось — работа доставляет ей большую радость.

— Одна из наших лучших, — сказала помощник мастера и, помолчав, добавила, словно желая одним словом выразить все свои мысли о девушке: — Уберица.

На погоне Гали сложной агиткой, называемой вытканым станом. Со ста двадцати шпуль большим струйками стекает вниз нить лаваса. Слизались затем в сорти «ручейками», они обгабат бесчисленного множества блестящих роликнов и барабанов, а потом вклин общими потоком бегут дальше, на гофрировку. Здесь, на стане, волокона вытягиваются, искусственная шерсть становится эластичной, легкой, прочной, пушистой.

В сущности, вся забота Гали сводится к тому, чтобы следить за «ручейками». Лавсан нежней, тончайшие волоконца его могут обрываться, намотываться на барабаны, сбиваться в узлы. И как только такое случается, Галя тутчас же устраняет нарушение.

В руках у нее пневматический пистолет. Галя захватывает пистолетом конец оборвавшегося нити, наконец замысловатым, но очень точным движением проводит нить через роликны, барабаны и подлиняет и общему потоку.

Говорить с ней у стала было трудно. И не потому, что голос заглушался шумом, а потому, что у

Пятиминутный перерыв... И молодые аппаратчицы окружают помощника мастера Федора Софроновича Ходяковского — опытного воспитателя молодежи, хорошего друга цеховых комсомольцев. К нему всегда много вопросов.

Без участия Гали не выйдут ни один номер стангазеты...

НАВСТРЕЧУ XIV СЪЕЗДУ ВЛКСМ

НИЩА

нее просто не было времени: работа требовала исключительного внимания. Впрочем, забегая вперед, заметим, что не слишком много свободного времени у Гали и после конца трудового дня: сегодня комсомольский актив; завтра товарищеский суд, на котором надо быть непременно («Парень ведь из нашего цеха!») и вышеступной прогулка на лыжах, затем поход в театр («Скажите, решили посмотреть «Юнес», хороший спектакль!»); потом нужно вести своих комсомольцев на сбор миталлолома («Мы ведь обещали собрать семидесят тонн»). А вечерами книги, конспекты, учебники: Гали учится в техникуме, она решила стать специалистом-инженером.

Трудовой стаж у Гали невелик, нан, наконец, наелись станк рабочие и самого завода: первая оче-

редь его вступила в строй осенью шестидесятого года. Завод — ударная комсомольская стройка, она еще не завершена: возводятся новые цеха, и, кроме лавки, здесь будут выпускать также напорное велосипед.

Вначале Гали Позднюкова была ставилщицей: устанавливала шпулы на особые тележки и доставляла их и вытяжному стану. Нередко любовалась девушка работой этой сложной и умной машины. Гали признавалась сама себе, что хотела бы стать аппаратчицей. И вот как-то раз помощник мастера Белоусов спросил ее, кивнув головой в сторону стана:

— Нравится? — ответила она.
— Ну так становись да работай, — сказал Белоусов таким тоном, словно девушка только и оставалась занять место у стана.

Но через несколько дней она и в самом деле стала аппаратчицей, — правда, сперва ученицей. — Трудненько было, — улыбается девушка, — помню, что, проделав не хватало. Не успевшь заправить одну нитку — смотришь, оборвалась соседняя. Вмигшь куда — твистит где-то на первых шпулках... Это ведь только кажется, что процесс простого провеса нитки через ролик на барабаны. Попробовали бы в первый раз!

Гали работала и занималась на курсах — помышала на квалификацию, совершенствовала знания, обретала навыки... Тогда же, в первые недели работы у стана, она нашла бороться за звание ударника коммунистического труда, а комсомольцы смены выбрали ее комсоргом...

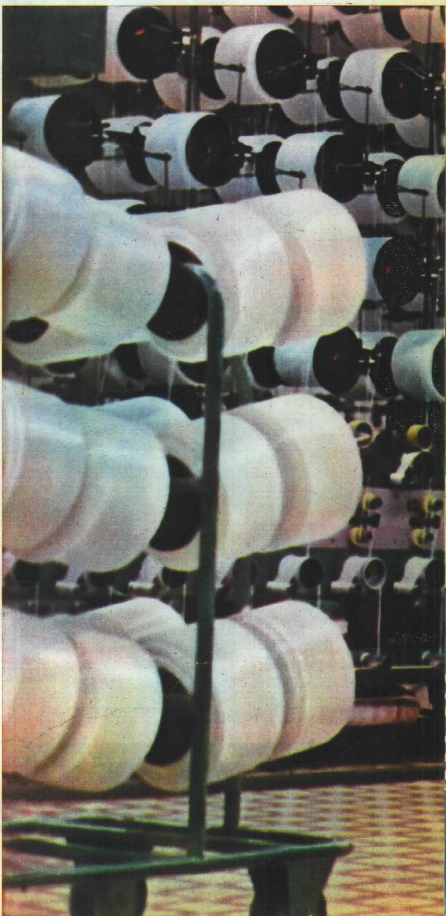
И вот теперь помощник мастера говорит нам о Гале Позднюковой

Все надо успеть: и взглянуть в магазин...

...и просмотреть свежие газеты, журналы...

...и походить с друзьями на лыжах.

коротко, просто, с большим уважением:

— Ударница... Гале постоянно находится в кругу друзей — и в цехе и после смены. А друзей у нее много, очень много. Это комсомольцы завода — хорошие молодцы, сплотившиеся еще в ту пору, когда в корпусах, где сегодня рождаются ласки, хозяйничали строители да монтажники. Примечательно, что Галя всегда в курсе всех событий, хорошо знает, чем живут ее друзья сегодня, что они планируют на завтра.

А жизнь заводских комсомольцев напряженная, интересная, боевая. Они хорошо поработали в прошлом году, и, когда завод уже в начале декабря разговаривал о выполнении годовой программы, никто не обиделся мясачием заслуг

молодых коминков: они внесли немалый вклад в эту трудовую победу.

Недавно комсомольцы завода приняли боевые обязательства в честь XIV съезда ВЛКСМ. Эти обязательства обсудили на широкое дитие. Мы спросим Галю, сведущую рыбак с нами: не много ли дать и открытию съезда семьдесят свердловских тонн ласана?

— Что вам — сказала Галя. — Дадим. Семьдесят дадим!

Ну что ж, значит, ия, заводским комсомольцам, важной. Значит, есть у них и добрый запас свежих сил и желание трудиться по-боевому. Значит, хорошие комсомольцы работают на заводе рядом с Галей Поздниковой, девушкой в красной носимке, ударником коммунистического труда...

Хозяйкой стала зовут товарищи аппаратчицу Галю Поздникову.

Мог ли и себе представить тогда, что окажусь в этом самом ресторане со странным названием «Берсальера», что передо мной будет стоять, тарелка настоящих итальянских спагетти, залитых томатным соусом, и стакан красного вина, а где-то по ту сторону зала на вечернем небе, четкий и ясный, будет высветлено слово «Югославия», как которому Везувиус? Мог ли и это себе представить?..

— О! — говорил Джульянчик, неуемно вращаясь в образе галета, раскаляясь по коленам мажорку. — Наполн — самый красивый город... Самый, самый... Самый веселый, самый шумный, самый прелестный и... самый брадо, как это, главный. Честное слово, честное слово!

— Ну уж, Джульянчик, — перебивая я его, — так-то уж самый красивый. Не хвастайся.

— А я не хвастаюсь... Твой Киев тоже красивый город, я знаю, я был, но Наполн или браво, еще красивее, честное слово. Море, море... Какое море! Приедешь — увидишь.

Югославия

Виктор НЕКРАСОВ

РАССКАЗ

— Куда приедешь, Джульянчик? Побойсь бога.

— Как куда? В гости. Кончатся войны, будем в гости ездить. Не веришь?

— Ну, ладно, пречку. А как тебя зовут?
— Мени! — Тут он весело нахвалил смеяться, и черные, дурные его глаза превращались в белозубы. — Каждый кошка, каждый собака в Неаполн знает Джулиано Кротчи. Приедешь вокзал, спроси: где Джулиано Кротчи? Иди ресторан «Берсальера» — скажут: И ты приходи ресторан «Берсальера». А я как закричу: «Синьор капитано, синьор капитано, поужин мой «фрукты ди маро»!» — Он опять смеялся и даже клопал меня по спине. — И я скажу Марко: «Марино, посиди тут, мы с синьор капитано пойдём вино пить». И пойдём к Джузеппе: у него вино, о, какое вино, и ты смешивай и из карвина бутылку: «Не надо вино, будем русский вода пить!» А! Русский вода, прямо в стакан! Чин-чин! Чао! Привет!

Так говорил веселый, милый мой Джульянчик.

И вот я сижу в этом самом ресторане «Берсальера» и мы сплетити, нахваливая ли по всем направлениям на вино, и много терпко вина, и курно сигареты «Надволяни», а Джульянчик со мной лет. Он обмываю меня. У входа в ресторан сидело человек десять торговцев «фрукты ди маро» (фрукты маро — всякие тут дикие-виные рабы, морские змеи), но никто из них никогда не садился к Джулиано Кротчи. Смеются — столько лет прошло, разве найдешь, всех война разбрала...

А у меня в номере бутылка водки стоит, специально привез...

Познакомился мы с Джулиано в апреле 1944 года. Было это под Одессой — то ли в Одессе, то ли в Лягуши, то ли в Мангеше — не помню. Все эти большие немецкие колонии похожи одна на другую как две капли воды: широкая улица, дома под черепицей и в торце улицы обязательная островерхия кирпич.

Несколько так быстро отступали, что им никак не могли их догнать. Эвамосы и Мангеше были пусты, ни дачи, всего угляни, только штабные документы, тощие голубы, летали по улицам.

И вот в одном из таких Мангешевых вострпелый веселый улыбающийся парень.

— Макарончик, — скептически доложил старшего сержанта Петровича, подводя парня ко мне. — Сержант отдал. Гитлер, говорит, и Муссолини — калуги!

— Калуг, калуги! — Парень баснула глазами и провел смуглой ладошкой по горлу. — Тебе-ки. Немцы тол-тол-тол Бералин — Он прижал локти к бокам и затопал на одном месте, будто бегает...

Русс — гол-гол-гол Бералин! — Он садела движенье коловом, как будто кого-то выталкивает под зад. — Гитлер калуги! Муссолини калуги! Вина пей Мир!

Он взяв под козырек и садела совершенно серьезное лицо. Солдатки так и заржали.

— Айд макарончик! А ю, еше!

Парень улыбаюсь совершенно ослепительной обезоруживающей улыбкой и аружелом и весело огидале окруживших его солдат. Рядом с ним стоял единственный у нас в батальоне Герой Советского Союза Сергей Молжухин. Парень внимательно посмотрел на виснувшую у него на груди звездушку, потом наклонился и, взяв лампадки, стал разглядывать орден.

— Ленин?

— Ленин — скосил глаза, ответил Молжухин и тут же спохватился: — А ты не лапай!

— Ленин — бона.

— Бона? — это по-иному «хорошо», — сказал кто-то из сидящих стоявших.

— Карашо, карашо, — заулыбался парень. — И мир карашо. Иди шароше тоже карашо.

Три или четыре руки протянулись к сигаретам.

— Куря, черт с тобой!

Парень протянул согнутую ладошку, сказала спасибо, как-то очень странно прозвонилась буква «о» вроде «ур», и улыбаюсь.

Какая у него была улыбка! Я еще никогда не видел такой улыбки. Да, по правде сказать, и такого красивого парня, пожалуй, тоже не видел. Он был паразитично живописен. Есть люди, на которых ты ни взглянешь — все на них хорошо. Этот парень был именно таким. На нем была какая-то истерпанная, грязная куртка, рваные штаны и претentiousная, наменная для современного галла, нашивка с петушиными перьями — и все-таки это было красиво! Он был строен, легок, излучал в движении, черноволос, было ударило, а зубон, по-моему, у него было даже больше, чем положено. Одним словом, у него на родине девушка, вероятно, сходилая по нему с ума.

Итальянцев из нас вообще никто никогда в глаза не видел. Было чем развлечься. Его уже кормили. Он с аппетитом употреблял кашу с консервным мясом, и лодкам громадным, размером с шоколадку, ломтем хлеба.

Потом его уложили спать на солому вместе с первой ротой. — Петровича считали его сво-

им, — а я послаа доносиле в штабле, что нам садаясь в плане рядовой 113-го нехотного полка дивизии «Ланторно», итальянец Джулиано Сальверра Кротчи, и тоже лег спать.

В штабле не заинтересовались им. Даже переводчика не прислали. Должно быть, не верили, что итальянец может кто-нибудь интересное рассказать. Притом же дивизия и без показаний пленных быстро продвигалась вперед. А в конце всего, пленным не заинтересовались потому, что наш дивизионный переводчик не только итальянский, но, по-моему, и немецкого языка толком не знал. Так или иначе, но Джулиано остался при батальоне.

А немцы продолжали бегать. Мы за ними. Целый день идешь, от села к селу, от кишки к кишке, через кукурузу, через какие-то речки, лиманы. И Джулиано с нами. Он мешал своими толстыми сапожками на картонной подошве туфлю лифую грязь и не умывал. На привалах вытаскивал туфлю гармошку и играл на ней что-то не то веселое, но то заунывное, на этом инструменте и не поймешь. Иди обшаривает проволочкой свои сапоги. Я хотел ему выдать новое, но, как всегда бывает на марше, мы сильно вырвались вперед и не имели ни малейшего представления о том, где выдаться наши тылы. Так и пришлось ему в своем «срощах» шарахат. Зато со своим голубым убором он растаял без всяких лишних переживаний — просто взял и выкинул и даже не обернулся. Делал ему старую шляпку и, когда он ее наддел, всем нам показалось, что он так всю жизнь в ней и ходил.

На волах наших стоянках он помогало повару Ковалю Кривоку, человеку, которого очень трудно было уложить. Но Джулиано угодил. Все, что он ни делал, он делал быстро, весело и очень забавно. Воду носил не только в руках, но и на голове — прямая вытолка: вместе алул вемер сразу три, когда губка дрова, через каждые три удара подбрасывала топот, тот кувыркался в воздухе, падал на полотно и раскалывал его — тут особой выгоды не было, но зато было забавно. Кроме того, он умел ходить на руках и колесом, изображал ругающуюся торговку, кричащего мадеина, мучить по-кошачьи, лаять, хрюкать. Особенно нравился солдаткам помер с поросенком. Он изображал пассажира, сущего в поезде с поросенком в мешке. Пассажир бормолил контролера, записывал перед соседями, близка своего поросенка, а тот с самым неподходящим моментом начинала верещать. Солдатки бужувамо потылавались от хохота.

Но больше всего померо Джулиано солдат своим песням. Пел он легко, свободно, без всякого напряжения, как будто петь для него

легче даже, чем говорить. Песни и мелодии у него были чужие, незнакомые, так же, как и язык — но это было не так важно, как песни народная — и это было достаточно.

Кстати, сам Джузьяно был совершенно потрошен лешими солдат. Оказывается, в эту янголку он знал — в Италию, где поет какая-либо сапоница, каждый раз совершенно не знает, что такое хорошее немец; цырюнок и онера не в счет. Джузьяно никак не мог понять, как это можно петь все вместе, да еще так, как каждый поет свой. Джузьяно не знал, почему он к этому привик и стал даже бешеными завывалю.

Дней через пять мы вытолкались на немцев. Произошло это уже под самой Одессой. Шли себе, как всегда, по кукурузному полю, когда нас допала офицер связи и передал мне приказные команды движения. Лезе вниз, кальметера и в лесные — алмазы. Наши парашютные части его форсировали, но встретили сопротивление немцев и закрепились на том берегу. Мы было приказано в течение всего дела в таком-то районе три пехотных мостика.

Пехотный мостик — дело несложное, но людей было мало, а кончить мостик надо было никак не позже четырех утра: солнце вставало около шести, а до того, как немцы забьют наши мостики, надо было пропустить всю пехоту.

Как мы ни старались, разные пути закончить не удалось, хотя работали все без исключения — на хозяйстве, устремил один, Габбата и Джузьяно. Еще с вечера он подождал ко мне и, помахав в воздухе воображаемым топором, ткнул себя в грудь коричневым плащом.

Сенор, сенор, сальво хулиганто, — и воспроизвелось настроение на меня.

И разрешил ему идти со всеми, и он победил в Кондрату за топором, прихватив и расплевал на ходу какую-то стреляничью тарелочку.

Начав пущать, стали слышны стрелы, в пущ, когда по мосткам пошли первые нехотицы, и берег ударил первая минна.

Этого следовало ожидать. Немцы расположились на возвышенности восточнее от берега, и вся наша переправа была у них как на ладони. Все теперь зависело от меткости их огня. Вслед за первой ударной группой, третья минна содралась, привалив шату, почти бегом немцы перескочили на мост.

Немцы стреляли плохо, большая часть мин падала в воду, но штур пущ на шест попало на берег, и там было уже раненые, то тут, то там — небольшие взрывы, когда парашютные начали образовываться пробка. В воздухе появились немецкие разведчики. Это еще больше усложняло обстановку. Пробки увеличивались.

В самый разгар переправы, когда толпования поков уже была на той стороне, три минны угодил одна за другой почти в самую середину левого мостика. Человек десятка содрал парашюта в воду, а сам мостик, разбитый надвое, скривился и охнул, став раскачиваясь по течению; пешеходные мостики держатся прямо на воде, без всяких подпорок и свай. Шедшие по нему солдаты бросились на берег.

Искра талязма Петренко — это был его мостик — во в это время роте по бросали мимо меня, растакоа содрат, збжека на мостик, добежал до края, перескочил на противоположный, начавший уже отходить по течению коней и бутылку в воду. Все по промолкло в две-три секунды. В следующее мгновение Петренко с двумя саперниками был уже на мосту.

Мы стану описывать все операции по восстановлению моста. Скажу только, что бойцы влявля подтянули оба конца моста и держали его в таком положении, пока он не был укреплена сваями. Все это время немцы не прекращали обстрела, но по мере продвижения не удалось. Все три колма переправившись с отсчитанное малыми потериами.

Среди бойцов, подтянувших и державших мостик, был и Джузьяно. Это он тогда предложил мне меня и первый бросился в воду.

Все утро он принимал поздравления. Лопаясь от счастья и гордости, он поджимал все руки и сказал до упавшей себя благополучно, что вот теперь первую вытученную им русскую фразу:

— Сажу Советскому Союзу!

Бойцы хохотали его во лбу так, что оно у него должно было испугаться, и говорили:

— Молодчина, Давык, так и надо. Испусти свою вину! Лезбос, по мамно-то, пух-пук, стрелам!

Первое время Джузьяно очень обаялся, когда ему это говорили. Глаза его загорались, он начинал жестикулировать, изображая то кошку зомли, то еще какие-то действия, а вышедшие отголоски от стрельбы, одним словом, пытались доказать, что стрелком он не был. Потом он понял, что его дразнят. Сейчас же, уюенный своей сваяой, он просто не обращал внимания на эти слова.

А слыу своим поступком он завоевал. Я не могу сказать, чтобы до этого к нему относились плохо, — наоборот, относились хорошо, очень даже добротка считали немую-то, а когда одним селтка жалели: принимал вот вас, с вашими петушиными перьями, а Гитлер даже корчить по-настоящему не корчит. «Несерьезный или какой-то народ», — скажа как-то наш батальонный комиссар Фельдмаршал Негко, когда Джузьяно принес на голову ведро воды, — социализма с ним не построишь. А парев наш оказался какой! Первый в воду бросился и под отпусти! Этого никто не ждал.

Кто-то из бойцов спросил его даже:

— А чего ты, Давык, в воду первый бросился? Тебе же не обязательно.

Джузьяно ничего не понял, но весело заулыбался.

— Первый, первый. Прима.

Вернем ко мне припела Петренко.

— Дайте мне его в роту, товарищ капитан.

— Тотот?

— Да Давыку.

— Он же русского языка не знает.

— Выучу.

— На двухдневных курсах, что ли?

— А вы не смеяться, товарищ капитан. Способный, как дьявол. В месяц выучит.

— Я махну рукой.

— Ладно, пускаяй. А с в шачитба поговорию.

Мы начали повторять так и не удалось, но опять двинулись в путь. Это были уже последние километры на пути к Одессе.

Мы зорылись в город со стороны Дальника. Это было в начале 1944 года. Немцы в городке уже не было. Они откатывались на юг-запад, к Каромино-Бузугу, к Царьградскому гиралу Анастас.

Первым было море. Черное море... Мы выкупились в нем, невзвара на апрель и холод, — всем батальоном выкупались. Это было нечто вроде ритуала. Приняла в Одессу и выкупались в Черном море — вот, мол, казен!

Размыкая руками, выслушивала на берег. Воля была, как лед, но не то пропалить, стоять в ней было невыносимо.

Джузьяно, конечно, тоже принимал участие в ритуале. Из воды он выскочил дрожащий и, прыгнув на одной ноге, стал натягивать на себя свои жалкие панталоны и невероятной грязью куртку.

И сказал Петренко:

— Ты сейчас иди сюда бы по-человечески, командир роты. А то неважноposito.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан, — задалую улыбку Петренко. — Все учтено.

— В чем склада жалд? — до конца войны не дождетесь.

В тот же вечер Петренко пришел ко мне и доложил:

— Какое вам бойца Куравьева.

— Какое его Куравьева?

— А вы разве не знаете?

— Первый раз слышу.

— А ты, же, дьявол, стогт. Позвать?

— А что он сейчас делает? — Петренко мне заметню улыбку. — Так что, позвать?

— Ну, позови.

— Куравьева! — гаркнул Петренко. — Зоди!

Дверь отворилась, и в комнату строевым шагом пошел Джузьяно. Вошел, козырнул — уже не по-своему, как это обычно делал, алабно вперед, и в вытучу руку по швам.

Во-е-Ку-ри-цев-ни-бы-по-за-ше-му-при-ка-за-но — на одном дыхания, без каких-либо переводов между словами выпала он и установил на меня своим черным, сейчас обаяло по серым-серым глазам.

Одет он был с иголочки. На нем были красивые офицерская гимнастерка с вышивками, синие галуси, черные сапожки, черная вышитая шейная косылка, и только не хватало погона до звездочки на плечике.

— Ну как, хорош! — самоодомо улыбка Петренко. — Вот что, влады, Куравьева Давык. Славнейший.

— Куравьева — это за шавелюга?

— А да! Давык — ну это просто потопку, что все Давык зовут, а Славнейший... Есть у него еще какое-то имя же. Как тебя дальше звать?

— Джузьяно-Салваторе.

— Вот, Салваторе — Салваторе. Одно и то же, что и Салваторе. Салваторе.

Я посмотрел на Джузьяно. Он стоял по-прежнему руки по швам и с тревогой и любопытством смотрел на меня, то на Петренко.

— Ну, Джузьяно, — сказала я ему, — хочешь с нами? Или хочешь Контра Муссини? Или хочешь Гитлер? Контра Муссини? За социализм? Хочешь?

— Хочешь Хочешь! — не выдержав, крикнул он и тут же, испугавшись своего крика, замолчал.

— Достань-ка ему погоны и звездочку, — сказал я Петренко, но он только улыбнулся.

— У меня уже есть звездочка.

Когда я вручил Джузьяно звездочку, я заметил, что у него дрожат губы. Потом он неожиданно переутасал через стая, порывшись обая Петренко и крепко поцеловав его не то в щеку, но то в шею. Тот даже растерялся: «А ну тебя, Давык, всю морду обмысали!» Но являю тронуть.

В тот же вечер к двум вытучным материалам, которые собирались послать в гитламы за операцио с мостиком, я прибавил еще третью: на красноармейца Куравьева Давыла Славнейштова.

А война тем временем шла, но очень активно на нашем участке, но шла. От Одессы мы дошли до Днестровского гирала, пытаясь с ходу его форсировать, но неудачно, стрелки какие-то прицелили для десанта, но потом это отменили и нас перебросили в село Рокосана. Здесь мы простояли с надеждой, ожидая дальнейших распоряжений. Посылались в малых числах чистенькие комманды и в гитламы на противоположный берег реки. Там они в течение нескольких дней, лениво переправляясь через реку редкие свядры.

Получился затинный, мы находим порядок в своем хозяйстве, бегали, аламо оборудованые, чинили инструмент. Взялись вытучную и за Джузьяно. У него повалился учитель. Первой предложена свои усатуи наша писарина Леля, но по тому, как она присутствовала Джузьяно вся надут заулыбался краской, я сразу понял, что она без памяти в него влюблена, что в эти затинный вряд он что тутное получит, и кандидатку ее оттерт. Виза летела над ним замком Антона, но времени у него всегда не хватало, и он удовольствовался тем, что обеспечить, можно сказать, идейное руководство. Заключил вночка Петренко, но вытучию училища, Куравьева и Джузьяно. Виза была Славнейштова — батальонный комиссар. Дело он достал русско-итальянский словарь, и в свободное время в стропике они что-то писали, писали, писали, аламо словарь, о чем-то даже спорили.

Очень забавно сидеть за ними, когда они сидели вместе. Веточки были полной противоположностью Джузьяно. Джузьяно был черен, смугл, куражился, сидел вез, Вася Веточки — блондин, чуть ли не альбинос, с алмазными бровями и ресницами, нежно-голубыми глазами и молочным цветом лица, перхотливый на щеках и подбородке и прозрачно-розовый румянец. Они приключали Джузьяно по уху, но была шире его в лещах, и вообще с ним не рекомендовалось вступать в единоробие. По характеру своему это был тихий менталь, и при первом знакомстве произвелось впечатление человека, довольно tutto соображающего. Но это было не так. У него был аспий, четкий ум и редкая невольность к фразе. За это и за смеельность бойца и подбородок и прозрачно-розовый румянец.

И вот эти две противоположности сдружились, аскорреливались, как говорили у нас тогда. Началось с занятий, а потом и все пошло вместе с собой, и рад, и забав.

Тих шал дни, в общепит, то и сплюю, если б

Рисунки Б. ГЛЕБОВА.

не случай, происшедший в Овидиополь, куда нас перебросили из Рокосаев, случай, из-за которого чуть-чуть не пришлось нам расстаться с Джулиано.

Боевике я должен сказать, что на Джулиано жаловаться не приходилось. Не было той вещи, которой он бы не мог сделать. Сколотить табуретку, исправить часы, сделать печь, почистить лампаду, сварить обед, починить сапоги, взобраться на телеграфный столб, испривить аккумулятор — что угодно. Причем все это весело и легко, так что, глядя на него, хотелось самому заняться именно этим делом, таким оно казалось увлекательным. Но вот когда оказа-

лось много свободного времени — дело было хуже. Его энергия и инициатива направлялись в другую сторону.

Горе в том, что он был не только красив — это было в еще помеху, — он был и тому же влюбчив. Вот и получалось так, что где Джулиано, там и девицы.

Что точно произошло между ним и Костопа-ловым, сержантом второй роты, мне так и не удалось установить. Из желания спасти Дашку все, в том числе и сам Костопалов, так запутали дело, что получилось в конце концов, будто он и совсем здесь не замечал.

Дело же было в следующем. Оба они — и

Джулиано и Костопалов, — как выяснилось, уезжали за одной и той же девушкой. Костопа-лов был первым избранником, но парень он был некасающийся да к тому же рабый, и, когда познакомился Джулиано, девица, насколько и тогда, потеряла к нему всякий интерес. Она-то потеряла, а он нет. Солдат он был неплохой, но с норовом, и вгляда у него была какой-то тяжелый — только чувствуя это, он выходил во дворе, потеряла, а он нет. Солдат он был неплохой, но с норовом, и вгляда у него была какой-то тяжелый — только чувствуя это, он выходил во дворе, потеряла, а он нет.

За день до этого случая и в самый его день, говорит, он был как-то особенно мрачен и почти ни с кем не разговаривал. Вот и все, что

НА КОМОСОЛ

Д тот случай прозвучал на одной из устных сессий. Может быть, он не очень значительный, но все-таки крепко врезался в память. Ребята после смены торопились на комсомольское собрание. Один из них, пробегая мимо товарища, толкнул его в плечо: «Эй, кто стоишь? Бежишь!» Но тот не двинулся с места: «Я же не комсомолец!»

Он так и остался стоять, провожая взглядом товарищей...
Былая на многих промышленных предприятиях, а интересовавшая много ли здесь молодых рабочих, не состоящих в комсомоле? И мне порой отвечали, что таких ребят и девчат столько же, если не больше, чем комсомольцев. Но самое главное — не растет такая организация, не увеличивается...

Попавшая в такой коллектив, прежде всего хотелось узнать — чем же вызвано такое положение? ..В комитете комсомола Минского инструментального завода жизнь шла своим чередом. Приходили и уходили активисты, кто-то вызывал секретаря Владимира Геймана к телефону, кого-то искал физорг... И, пожалуй, побыв несколько часов в этой небольшой комнате с висюдами на стене почетными грамотами и выделками, можно было прийти и уйти: комитет работает.

Да, внешне все выглядело так. Но... Но почему я пришел именно сюда, на Минский инструментальный завод? Меня поразили две цифры: 200 и 4. Первая цифра показывает, сколько на заводе молодых рабочих, не состоящих в комсомоле. Вторая — сколько из них стало в прошлом году комсомольцами. Такой вот рабочий организации за год сразу же не восстанавливает. Подобные «достоинства» — признак болезни большого молодежного коллектива — болезни серьезной, загнущившаяся. Ведь если организация не увеличивается, застыла в своем росте, то наверняка и сама ее жизнь стоит на месте.

Паренька с юношеским пушком над губой и светло-голубыми глазами звали Валентином, а попросту Валькой. Был обидный перерыв. Ми шло по приближению пере-

ханническому цеху, мимо станков, еще пахнувших теплом работы и перегретым маслом. Да, все действительно так, как мне рассказывали. Он, восемнадцатилетний рабочий Валентин Колочинский, на заводе пятый месяц. Действительно, на комсомолец...

Работает Валентин неплохо, каждый месяц выполняет план. У него есть свои мысли, свои заботы. Есть и заветная мечта: хочет поступить в пограничное училище. Почему же этот парень не в комсомоле?

Сразу ответа на это вопрос получить не удалось. Парень долго молчал, а потом вдруг спросил: — Часто говорят? Потому что... все равно. Какая разница — быть в комсомоле или нет? Только взносы платить и все?

— Да вот вы у него спросите... кивнули на измученного настрепку смуглого курносого паренька со сбрытым на лоб челом. — Ну, признай его в комсомол в прошлом году. А что в его жизни изменилось? Ничего!

Коля Доброгост — один из тех четырех, кого приняли в комсомол в прошлом году. — У нас на заводе в комсомоле интересного мало... — говорит Коля. — Скука...

А вдруг парень сам виноват? Он ведь не маленький, чтоб его за руку в комсомол вводить, трестись над ним!

Нет, сначала Коля по-другому смотрел на комсомол. Поддавая заявления, он думал, что в его жизни произойдут перемены. Он ждал, что его захватят какие-то важные события. Но ничего не было. Разве только то, что раз в месяц комсорг цеха обращался к нему по поводу уплаты членских взносов.

Однажды, правда, комсорг пошел и Коле не за взносами. — Слушай, Доброгост, есть предложение. Возьмись с ребятами зайди каток на пустыре перед заводом...

И Коля взялся, взялся горячо. Ребята возмись со шлангами, оставались несколько раз после работы. Но понемногу их пых угас. Никто не интересовался судьбой катка. Вскоре он был испорчен

мальчишками, а потом и вовсе засыпан, наконец заметен снегом...

Спрашивается: для чего заливались каток? Для заводской молодежи? Почему же тогда оказалось, что никому он не нужен? Факт этот очень показательный. Заливка катка, которую поручили Коле и его товарищам, оказалась поручением ради поручения. А такие «мероприятия» только вредят делу. Нужно, чтобы катки заливались не для галочки.

Что же получается? Активисты что-то делают, в комитете комсомола что-то намечают, в общем, «наверху» какое-то движение наблюдается. А комсомольцы завода проабывают без интереса, нужных всем дел, комсомольская жизнь на заводе, по существу, замерла, застыла... Потому-то и не хотят Валька и подобным ему парням вступать в комсомол.

Но у секретаря заводского комитета комсомола Владимира Геймана другое мнение: — Тыкучься паряд у нас Большая. Не успеет прийти к нам человек, как сморщись — уже берет расчет. Мы тут не виноваты. Не можем же мы принимать в комсомол людей, не узнав их как следует...

Нет, не в технику кадров надо искать причины всех бед. Но даже если допустить, что виновата тукучьность, то спрашивается: сделал что-нибудь комитет комсомола, чтобы устранить это недостаток? Нет, за это комитет не бранится. А ведь уходит в основном с завода молодые рабочие! Значит, это прямая задача комсомольской организации. Ведь возьмись комитет за это дело, доведи его до конца, исправь положение — и комсомольцы сразу бы почувствовали силу своей организации, свою собственную силу, поверили, что они могут реально влиять на решение больших, давних, нолевых вопросов, могут быть хозяевами, а не только наблюдателями...

В отделе кадров завода я случайно встретился с парнем, пришедшим за трудовой книжкой. В руках он держал обходной лист, на котором и Владимир Гейман поставил ничтоже сумняшеся

свою подпись. Паренька звали Валерий Кузоткин. Кстати, он тоже оказался одним из немногих, принятых на заводе в комсомол в прошлом году. Мы разговаривали. На вопрос, почему он уходит с завода, Валерий ответил:

— Неинтересно мне на заводе. Сколько же можно по одному и тому же разряду работать!

Вот еще одно конкретное, нужное дело, на котором комсомольская организация могла бы показать доброту своего лица, свою способность защитить ее интересы. Ведь если бы Валерий Кузоткин увидел, что его зоботы волнуют не только его одного, он ни за что не ушел бы с завода.

Но для того, чтобы завоевать авторитет, комсомольская организация должна не только браться за живое, насущно знакомое, интересное дело — оно должно обязательно доводить начатое до конца, до победы. Ведь тогда только ребята вроде Вальки почувствуют заинтересованность в работе комсомольской организации, когда увидят реальные, конкретные успехи ее деятельности.

Возьмись, к примеру, третий цех. За прошлый год там прошло всего-навсего три комсомольских собрания. И лишь на одном из них обсуждался вопрос, волнующий молодых рабочих: почему в цехе участились случаи брака? Собрание показало, что такое положение очень беспокоит комсомольцев, они готовы поощряться, взяться за искоренение причин, порождающих брак. Но прошло время, а решение, которое приняло собрание, так и осталось на бумаге. Если бы комсомольское собрание не взялось, и если теперь вы спросите комсомольцев, почему они не борются с браком, они не борются с браком, они не борются рукой: «Пробовали, а толку»...

Рост комсомольских рядов... Это часто волнует и активисты тех организаций, ряды которых не увеличиваются, объясняют это или иной «спецификой» условий, или еще какими-либо объективными причинами. На самом деле это, конечно, не так. Рост рядов организации целиком и полностью зависит от того, как ведутся дела в коллективе, от того, чем живет и дышит данная организация.

Надо помнить, что рост рядов не самоцель. Нет, нужна не искусственная зобота о количественном увеличении организации, а живое, заинтересованное, боевое ведение комсомольской работы. Рост рядов комсомола — это своего рода политический паспорт каждой комсомольской организации.

Многим, наверное, доводилось видеть работу двигателя на холостом ходу: воево работает мотор, двигаются поршни, крутятся шестеренки, расходуется топливо, а машина ни с места. В чем дело? Нет главного — не включено сцепление, нет связи между двигателем и колесами, которые должны двигать машину вперед. Вот она и стоит...

То же самое можно сказать и об иных комсомольских организациях, в которых нет основного — боевого сцепления — связи с собой молодёжь.

Значит, надо сделать главное: взяться за конкретные задачи, включить рабочий ход!

Ан. РОМОВ

г. Минск.

БУДЕТ ГОРОД НА АЙХАЛЕ...

Печка раскалила докрасна, и Володя, сидя перед ней на корточках, собирала, как отирать даярцу, чтоб подобрать дров. Его недавнее назначение архитектором Айхала¹, и теперь он, как говорится, изучал местность. В палатке, кроме Володи, было еще человек семь ребят из проектного института, основанного в Мирном. Висела неровная, тусклостая тишина. Все, которые сутки ожидали, когда из наивысшей радисты маякинской экспедиции сообщат о судьбе тракторной колонны Корсакова. С этой колонной шли к отразному от мира Айхалу хлеб, бензин, оборудование.

— «РУФ-2!» Я «Ласточка», а «Ласточка»... Почему не отвечаете? Почему не отвечаете? Сообщите местонахождение. Перехожу на прием... «РУФ-2», «РУФ-2»...

Куда там! Колонна словно растворилась в шестидесятиградусной белой мгле.

Володя покосился на гидролога Вилку, прилежавшую к Мирному вместе с ним. Вика полулежала на раскладушке, прилоснившись к воруху спальных мешков. Шеки у нее пылали. Тоненькая и печальная, она казалась туристкой, случайно попавшей в компанию приличных дикарей. Увидев ее впервые на мирненской усадьбе, Володя с возмущенной злостью подумал: «Царевна Лебедь! Приехала потратить слабые души мирнян!» Потом он понял, что ошибся. Вика оказалась застенчивой девушкой, которой порой хотелось быть независимой и суровой, как мужчина. Они подружились...

— «РУФ-2!» «РУФ-2!».

Скрипя на заслонку, на пол упала чокерга. Все разом вскопчили и загладеи.

— Ну ладно, ребята, берегите нервы, а я схожу за дровишками... Володя, окутанный клубами мороза, исчез в дверях.

Уже спустившись к реке, он услышал за собой позвигивание снега. По его лыжне, вметрах в тридцати, шла Вика, закутанная до глаз. — Я видела, ты взял рюкзаки с сухарями... На Марху, Корсиюка встречать? — Синие огоньки мято вспыхнули между мехом и башлыком. — Я тоже, Володя, можно?

Володя мотнул головой.

— Далеко, километров тридцать надо пройти, мороз здоровый, через полчаса будет совсем темно.

Яркие Викины глаза словно подернулись пеллом, и Володя вдруг испугался, что она действительно возьмет и уйдет.

— Верет к югу... невинито сказала Вика через башлык... Сейчас не больше сорока пяти. Видишь, туман раскиснет...

Володя молча прокладывая лыжню. Они поднялись на гору, поселок едва виднелся внизу, как случайно рассыпанные спичечные коробки.

Вика схватила башлык с носа и рта.

— Ну вот, уже уставай!

— Немного... Губы ее вынозато покривились.

Володя воткнул палки в снег и, набрав сухих сучьев — они ломались с резким, коротким кряком, — развел костер. Вика вся потянулась к огню. По зайге шел колючий ветер, с тижелым от снега веток сыпавшимся крутином, сплывавшимся хлопьям. В черном небе морозно пылали звезды. Гесидны Вики гулились от инея. Молчание вдруг стало невыносимо многозначительным. И Володя заговорил, с ужасом чувствуя, что не может остановиться, — об Айхале, об архитекторе Ленининых гор, о последних работах высшего италийского абстракциониста...

Вика слушала, пошевывая в костре корявой веточкой, и тихо сказала:

— Я не люблю абстрактную живопись — это неискренне, нечестно...

Потом они долго, пока не продоргли снегом, стояли на крутом обрыве на охр. Никаких признаков колонны Корсакова не было.

— Но ады они придут, правда! — тревожно заглядывая Володе в лицо, шептала Вика — Они придут... Этого не может быть...

На обратном пути Володя вдруг замер и поднял лохмотов ухо шапки. Тишина... Потом из тайги поползло глухое пожатывание и бормотание моторов.

— Иду-гу!

Вамзнуть тучу снега, Володя ринулся вниз.

Тусклым лунным светом распылялся минным. Израненные, полуживые тракторы, жалобно бульдозерных ножом.

Мечту пронесите через года
заполните!
Но о тех, кто уже не придет
никогда, —
заклинаю —
поминай!

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Каждый раз, прилетая на Айхал, я прихожу к этой горе. Одни. Сегодня у меня под ватником цветы. Их привезли сюда за десять тысяч километров. Это, конечно, глупость — таскать на одиночку вершинку топиальны, но Володя любил цветы. Я сауску на камень и осторожно вытягиваю из-за лазуки длинные стебельки. Хрупкие чашечки авяют на черных камнях. Небо совсем низкое. Тучи чертят лохматыми бочками по острой вершинкам лиственниц, и в воздухе проносится тихий шорох. Где-то за невысокими горами проходит Полярный круг. Влажный ветер хлещет мне в лицо. Это ветер с океана, в нем горюватая соль и пресный запах льда. До океана очень далеко, но такого ветра все равно нет нигде на свете. Я один между огромным плоскогорьем и небом, небо ложится мне на плечи. В такие минуты я знаю точно, что человеку дано беспредельное могущество, он может все — даже поменять местами это плоскогорье и небо...

Теперь, когда Володя Корсиюкова нет, я думаю, что, пожалуй, это он научил меня слышать океан в ветре. Я его друг, у него вообще было великое множество друзей. И теперь еще, спустя несколько месяцев после его гибели, к нам все идут и идут письма, и привязают совсем незанюмаю парни, которые хотят назвать его именем лесопок. Они не спрашивают, был ли Володя гором. Они ничего вообще не спрашивают. Они знают его просто как отличного парня. А разве этого мало?.

¹ Айхал — месторождение алмазов в восточной части Сибири.

тура, ползая с Марши. Многокилометровая дорога от Мирного была открыта.

«Как странно,—подумала Леша, сползая с горы по Володиной лыжне,— а ведь с таяния, как Володя, я бы прошла, пожалуй, и тысячу километров, хоть до самого озера... И уж если сказать правду, Айхал особенно дорог мне потому...» Ей вдруг стало жарко от этой легкой, нежданной мысли. И Вика впервые в жизни обрадовалась, что родилась красивой.

Леша Гайдамак, упрямиченно пожимая головой, остановился у двести их новой ирвинской застройки. Одна из стен здания была карминой зарей. Гонимые розовым ветром, куда-то в заманчиво-го-тартапору скользяли бокасты ладьи. Володя усмехнулся пописываясь на только что расписанную им стену. Володя вспоминал:

— Помню... Помню... Переезд, Айхал, — это и зря, это старо, главное все-таки — скорость. Времене нет — есть соотношение между вещами и событиями. Чем больше скорость, тем больше жизнь. Скорость не разрушает высоту, она делает ее напряженной и емкой, как формула... Володя врет, руки о трепку и решительно перестал задавать свои парадоксальные вопросы. Очевидно, все остальные стены походили отсюда же.

— Да, чуть не забыл! — спохватился Леша. — Тобое пионерское спасибо за пионерский лагерь. Иду я по Ойкинскому, а внаступчу группа на юных гвардей. Левадия, Володя, — это и зря, это старо, главное — Николайеву. Я говорю, обязательно передам, только не могу вспомнить, кто этот знаменитый человек. Оказалось, это тот самый дядя, который делал съезды львов и собак на школьной площадке. Словом, ты. Они знают уже и насчет озеленения.

— Молодой и пламенный герой, ты сам понимаешь, — это чепуха, — сердито сказала Володя. — У нас во дворе на Сухареве а десять раз больше растительности, чем во всем Мирном. Заледил: не растет, не взойдет. Конечно, само ничего не вырастет. А мы дождем. Точной дяди Володя благодарно вздохнул. Коммуна ирвинских проектировщиков готовилась к обеду. Леша уткнулся в охиженные еды в «Медведю», а Володя выбрал из угла диванного дивана, сделанного Лешей по его чертежу, рассматривая коллекцию камешков и цветных степен. Недавно, рассматривая эти перламутровые камешки, он вдруг поклялся Леше и Игорю Гурьянову, что через десять лет полярные города будут строить из пенопласта и цветных пластмасс — радостные и пестрые, как выставки экзотических цветов.

— Вот что, Леш, оставь газету и сделай вот такую штуку! — Володя порхал в воздухе, а потом кинул у Леша газету и набросал довольно изысканный предмет.

— Что это?

— Ну, как тебе сказать? — Володя оглянулся, ища что-нибудь похожее. — Но ведь это красиво, удобно и занимает мало места. Ну, изобрази.

— У тебя не голова, а мощный шифроразбор для разгоники идей, — вздохнул Леша и приноклялся к запятам, проползавшим под дверь. — Уже готово, пойдём писать...

Здравствуй, мам! Наверно ты беспокоишься, живу я здесь очень хорошо. Счастлива, что сюда попал, и не знаю, что бы делал в Москве.

Праздники провел хорошо, весело: работал. Не сижу настолько, что некогда почитать. Сегодня фотографировали меня с моими проектами для газеты «Молодежь Якутии». Говорят, что буду печататься с декабря по май.

Насчет денег: сверхурочно а работаю или нет, на зарплате это не отражается. И если а работаю сверхурочно, то не для денег, а для работы.

Новый алмазный город, где а был в командировке, севернее Мирного. Добираться туда можно только на «Антоне». Скоро снова еду домой. Проект ирвинского широкоэкранного кинотеатра закончил.

Ради бога, не присылай мне гречневой крупы. Я ею сыт по горло. И рубашку мне не надо.

Всё как в эти дни тепло: 25—30 градусов мороза. Фотоделом временно не занимаюсь по причине полярной ночи.

Недавно ездили на автобусе на Вилюй, в поселок Чернышевского, показывать свою самодельность. Обратном доехали шесть часов. Было холодно и очень весело. Другой много, из самых разных городов. Тут, что на карточке, — Игорь Гурьянов, из Куйбисево.

Пишу редко, потому что свет бывает редко. На проходах замерзает лед, они провисают до земли, и их пробивает.

Сестра Гейда. Меня очень огорчает, что ты мало читаешь. Надо читать каждый день, хотя бы час. Короче, что занимаешься музыкой, но плохо, что в твоём письме много ошибок. Писалю тебе твоё письмо с подчеркнутыми ошибками, постараюсь их больше не делать. И помни наш уговор — заниматься спортом. Ладно?

Привет всем друзьям и родным. Ваш Вова.

Миринская зима, коротосветная и свирепая, протекла внешне спокойной. И только сами члены институтской коммуны знали, какад лихорадка была их дружиною семейку. От огромного внутреннего давления, как объяснил Володя, из него вдруг неудержимо забил фонтаном струю струю, струю шаров, шаров и карусул, как а пробую, злились люди были похотать. На хозяе инитро не обращал особого внимания. Работать в такой обстановке не было никакой возможности. Леша осторожно наменял: «Если у тебя есть фонтан,—затни его, дай отохнуть а фонтану...» И Володя вынес свои юмористические настроения, как расшалившегося кутенка,

а более безопасное место в коридоре от товарищеского института. Там стояла ваза. Неподобно вынуть эту газету Айхал у черта на куличиках приобрел общегородскую известность и был доставлен спрейсом зимовацки Айхала. Оттуда Володя привезли записку от Вики: «Самолет улетит. Больше может не быть — мороз. Я у Лесного, занимаюсь водным режимом. Кажется, фабрику где-то нормально делают. Общественное, не зная, как правильно стает. Володя, а хотел...» Далекие буквы сбегали на нет. Видно, летчики не могли больше ждать. И Володя придумавал разные концы этой фразе. Все они получались хоросище...

Дни и ночи Володя проводил над проектом будущего города на Айхале. Игорь Гурьянов, пробовавший отвлечь его хоть на минуту, слышал необычные: «Отстань!» — и предупреждал: «Смотри, свихнешься, а раньше ине все равно на Айхал не пускал?»

Придя с работы, Володя лихорадочно листал огромные томоиды архитекторов — советских и иностранных, современных и древних. Особенно любил он современных. Он набрасывал перед сосадами по комнате легкие комбинации душннх, окруженных лесами городов. В этих городах строились невысокие дома с цельными стенами из стекла, прозрачные изобретения, не зная, как правильно стает. Володя, а хотел... Там на стротельной работах здания, только инею. Леша и Валентин, строители по специальности, могли бы уже поставить в тумик любого придурку архитектору, а Володя все посвящая и посвящая их в тайны гармонии казистийнх музакки.

— У меня никаких архитектурных галлюцинаций, — поклялся как-то Вика и улизнул на танцы, где все чаще стали появляться элегантные новые костюмы и меланхолические галстуки-белочки.

— Неизвестно — ночь уюа, — крикнул ему вслед Володя, — ночь баваляла а безавваляла!

Но Игорь и Леша любили Айхал а архитектуру и охотно слушали, как Володя, отчаянно жестикулируя, авал в «платитку»:

— Ведь это же преступление, ребята, в прекрасной тайге закатать этойкой стандартной поселенце, расчерченный на кварталы. Там же люди должны дышать, а эти шаманские клетчат... Ходь конем а по динозаву. А главное — живешь среди тайги природы и ин черта не видишь. Спротят потом, как там, а ты скажешь: у моего соседа стена была кривая: Каждому хочется, чтоб его дом, его улица были инею же. Но дом и улица, чтоб у инк было свое лицо. Ну, большие города — черт с ними. Но вот такие, таежные — это сказал, что здание нужно делать улице непременно по линейке и непременно на ровном месте! В такой улице, куда дома не посчитывае, не узнаешь своей хаты. А я свой Айнальскй поселок поставил вот так, на склоне горы. Далеко всегда будет солнце согреться деревню. Один улица пойдеть в вот так, а эта — назавем ее улицы Изарова — изогнется и сама шлннется в склон. Вы видите, ине и придумывать не надо, природа сама все решила. Представляете, отворыш утром окошко — адынее горы, внизу ра... И а закончилось строительство, одновременно сделать что-нибудь хоросеи!.. Что молните! Вы-то согласны!

— Мы-то согласны, а ты вот напиши об этом своему Васе — у него завладева в мозгах...

Володя писал друзьям со всего Союза: знакомые по институту, по туристским организациям, по лыжным пробегам, по художественной школе. Ночью, при свете, Володя отвечал:

«Вася! Не читай это письмо на подножке трамвая или в столовской очереди. Сядь и сосредоточься. Я отвечал на твои вопросы.»

Во-первых, инеколько не малюю, что ухал из Москвы. Работы здесь по Аюа. И много можно делать так, как а хочу. А ты знаешь, как а хочу. О Москве, разумеется, не могу не сказать. Потому что очень ее люблю. Но работать в Мирном интереснее.

Второе. Инитро понимают внутреннюю свободу как неограниченную возможность делать все, как хочется. Я понимаю ее как умение все забыть и отбросить для какой-то цели (это не утилитаризм, а наоборот). Гаснет свет. Для краткости напомнима Гете, хоть ты его не любишь: «Сколько предметов мог бы ты таким образом охватить, ты бы ассосади их на себя! Спроси себя об этом — логично, долго и охвати мир, насколько можешь...» Свет погас. Лусь свет. Не хандри...»

Володя открыл глаза. «Кик-так, тик-так», — мурыликая будильника. Гонимые розовым ветром, плыли по стене греческие ладьи. По комнате ползал на ощупь висящий арионский каскад. И Леша спал, уставая потолок, инкуранный вснушачный нос. Это недешево на был кухонным мужиком в их коммуналке: таскал дрова, воду, помол и спал здоровым сином усталой крестьянской лошади. Леша, как и Володя Корнилов, работал в отделе геотрианта и весьма тоговал по Айхалу, который безоговорочно уступил Корнилову как призматному таланту.

Володя оделся и вышел на крыльцо. Заря полыхала вполнеба. Голубой воздух уже нагнать был холодом, а солнечные лучи уже жарко припекли лицо и руки. Скоро вообще не будет ночи. Сырой ветер лавил снегом а востриками белым.

Кто-то слышно толкнула Володю под колено. Рыжий эксцентричный пест Байкал, питавший загадочную инежность и вострал Володину унтам, кусал его за ногу, смншнво взыгвая, ристаясь огненную шерсть и от бабыща добрых собачьих чувств звал, дожда ушиами и дамышнми розовым зыком.

— Эх ты, соня! — Володя присел, чтоб поладить усятую морду. Острая белая воронизула в погору.

Еще удивительно, в поезде по Поларному Уралу он обморозил ноги. Врат удивительно за дерзую (Поларно ине, оно инеколько не глушила зыку), сообщавшись, ампутировав ноги этому мальчишке или нет. А он кусал в кровь губы и клылся, клылся себе, что обидеть пешком всю аялню. Ноги оставили. «Это была упрямство стало вас, — сказала ему а профессор, — только доктор...» Только тогда инекий дитянский переходо и холода, главное — холода. Век усмался.

— Что будем делать, Байкал! — Володя посмотрел на часы и, спрыгнув с крыльца, размеренно рысью побоялся к аэропорту. Байкал, приняв это за игру, кинулся, присекая, вслед.

Всена... Еще немного, и она придет на Айхал — холодной росой на стеклах вот этих машин, липкими комьями пестрого мха на покрывшихся. Машинки идут и идут на Айхал. Железные балки, ящики с надписью «Крайний Север», укладываясь с гудением и бонгом, бонгом. Пота не едет. Зимой проложенная дорога, не слит шоферы и снабженцы. Грузы идут на Айхал. Недавно в тресте Володя увидел Корсюка. У него глаза лунатика. Весна существует уже для всех, и только Корсюк не желает ее замечать и, потрясая наивное воображение твоящих охотничьих, все тащит и тащит сивоз разлезшиеся жары свои огнелюбимые машинки.

Из здания аэропорта на Володю доносило парной теплотой. Уютно потрескивали дрова в печурках. Люди смотрели свои, устроив на уловах односпальные и двухспальные кровати. У некоторых печурок дымили черные чабы и тучки. Беззаботно гуляли какого-то ирода и кровоспидику.

— Ты тоже, касатка, на Алахай! — сочно прошептала Володе огромная тетя, смазывающая на мамонта из школьной зоологии. — Валит, однако, туды народ валом. Ишй! Самолет, однако, стрекочет... Кровошпидику, груз отправляет, в людей морит!

Вскоре появился и сам «ирода» и «кровоспидица» — эскадрилятор «Якут-аллаха». Он отглагол всех загнанными, сопоставленными глазами.

— Четверо приготовиться к отправлению...

— Четверо! — передразнила бабка. — Слушай, сала бы поел, а то ругаться силы не будет. Все человек, однако...

Но эскадрилятор уже исчез. «Алахай», «Алахай», — мыго шелестело слово. Люди, как малые дети, катали на языке звучное и знакомое слово, поминившее их от теплых углов на край света. Валамьявая тонкий ледок пара, в небо уходящий серебряные птицы — одна, вторая, десятая...

— Я лечу на Айхал! — сказал Корнюша в институте.

— Володя прыгнул к круглому окоцу самолета.

«Я лечу на Айхал... Еще когда-то в детстве в мечтал о неведомой земле, которая вдруг откроется мне где-то у неведомых горизонтов. Я не знал, какая это будет земля — солнечная и тучная или скучная и суровая. Но я твердо знал, что будет такая земля, по которой еще никто не ходил, — гордая, нетронутая, дикая. И я отдам ей все, на что способен. Я лечу на Айхал. Под крылом самолета то зримо лиственничные пята, то коричневые отмыли реки. И я знаю: куда бы ни пошел, не таская изюмором передо мной будет за же тайга, настояженная и пустынная. Чем дальше к северу, все больше бежит за нами синих теней от облаков. Самолет швыряет близкие грозы. Становится холодно. Горы, горы нагибаются вину, все более обнажены. Скоро будет Дандын. Мне радостно думать о том, что здесь, снова, наперстную тую тайгу, уже прощали Речюда, Маня и Чанановские, Изаро и Маня Черный, Афанасьев и Корсюк... Где-то на этих склонах они жгли костры и делали записки в дневники. Я думаю о них, и тайга начинает тихо звучать. Я не улавливаю мелодии, но понимаю, что это симфония тайги, которая звучит во мне самом. Я лечу на Айхал...»

Шелую неделю Володя не вылезал из строящегося городка. Уходил ни свет ни заря, надев штормовку и охотничьи сапоги, и возвращался в двенадцатом часу, когда земля погружалась в легкое сумерки. Он ел, не глядя в тарелку, рассказывая свои анекдоты, накопленные мирскими островами за зиму, и небрасывал на обертках от папирос и сыра шаржи на своих собеседников. Потом, когда все располагали по постелям, Володя небрежно нисовывал кокетливый берет и уходил гулять. Куда-нибудь на берег речки. Река неслась обложив льда и была прозрачна до последнего камня. Над плоским горьком шел теплый ветер, от которого томительно кружилась голова. В мокрых камнях отражалось цветное небо. Нежно, как руки Вику, пахла белые цветы багульника. А Вика почему-то не шла с озера Лесное.

Иногда он садился где-нибудь у реки и переносил в блокнот алюминевую пыль айхальских сумерек и зеленый лиственничный дым. В Москве, в пущающем яблоками старом буфете лежат его рисунки. Хопст тревлет от жарких закатов, заливающих улицы Тайшта и Байкальскую дель. Во всякой дымке тлевают Карлские горы, шитинки отстригают влей Урал. В комарных ленских затонах дремлют усталые, закуренные буксир. Все это он видел своими глазами, ради этого, как одержимый, еще школьником бродил по земле.

Володя придирчиво осматривал свой кружевной городок с золотистыми резными крыльчатыми, отбел белополосые позорцы будущей улицы Изюрова: «Действительно, оно неплохо вписано в рельеф». Строители, целыми семьями приехавшие полюбоваться на городок, приветливо махали Корнюшину, брали доверчиво за руки, рассказывали небольшие семейные радости.

На Айхале его любил. Это было приятно. Одно тревожило: что с Вику!

Однажды в субботу они втроем — Володя и два проектировщика, Миша и Толя, — отправились на Лесное. Сначала Володя шел не спеша и весело болтал. Потом он пошел быстрее и все больше помалкивал. А когда до Лесного оставалось километра полтора, Володя махнул на все руки, бросил спутников и побоялся. Он с размаху выскочил на берег и чуть не сшиб Вику. Она стояла у воды, уронив вдоль тела тонкие руки, будто шла и забыла зачем. Увидев Володю, она вскрикнула и привычным движением откинула каштановую прядь со лба. Потом засмеялась, прижавшись щекой к его плечу.

— Здравствуй, Вика...

Ему хотелось сказать: как видишь, весна, и я вернулся на наш Айхал. Но он передумал. Почему-то вообще не хотелось говорить «Яхуй!» Боже, что у нее с руками! Володя с ужасом смотрел на длинные

Винные пальцы, покрытые кровавыми царинами. Что-то душно повисло в груди.

Вика...

— Что? — И, как всегда в минуты растерянности, смазнула со лба бляхуою властную грязь.

— Вика, ну как ты тут?

— Было нелегко. Но теперь уже все прошло...

— А что у тебя с руками?

— Ничего. Ах, этой Ловила плот с аппаратурой — снесло льдом. Поинимашь, какая глупость. Теперь вот загорю, фабрику скоро пускать, а водный режим, незвестен...

— А как плот надо немедленно достать!

— Пробовали — не вышло... Это невозможно, это опасно, Володя. На озере идет лед...

Володя все-таки умудрился незаметно выскочить из палатки. Озеро прозрачно плескалось в своей каменной чаше — оно стояло в трапезном зале. Грозная зряя разливалась над ним, от воды поднимались молчаливые горы. Туда же поворотом озерной уральской рабы, двинулся аккордон. Володя пошел на звук аккордона и вскоре вернулся с резиновой лодкой. Вика стояла у палатки бледная-бледная.

— Миша! — будто не замечая ее трагических глаз, крикнул Володя.

— Помоги мне спуститься!

Розовое сияние переходило в злосное свечение и, подталкивая, низвергло на землю тяжелое величелие синего неба. Над озером, вытянуто шеею, бесшумно пролетела утка.

— Ути, ути, ути! — закричал Володя.

— Ути, ути, ути! — Володя разогнулся, ступил лодку в воду и, пропуская вперед Мишу, с разбегу прыгнул в нее. Володя помахал Вике рукой. Прозрачные, расквашенные ветром волны то поднимали лодку, как бы безразлично поднося и глаза, то прятывали и разномыслие обрешивали, и тогда с берега ее почти не было видно. Плот напротив врос в большую лодку как раз на середине озера. Володя тчетно пытался отбить его топором. Но отбить было все-таки необходимо. Вика побоялась сказать, но он и сам отлично понимал, что без этого плотика фабрика не пойдт. Не может обогатившаяся фабрика без водного режима.

Резина лодки жестко скрипела во лед, который, несмотря на колебания, было забито озеро. Острые голубовато-зеленые углы сверкали свежим сломом стелка, острые, как бритва, Володя отгнулся на берег. Вика, совсем маленькая отсюда, стояла неподвижно, прижав руки к груди.

— Черт с ним, с плотом, — сказал Миша, — едем обратно.

— Еще попробую, — буркнул Володя. — Сам поинимашь, надо...

И вдруг что-то зашлепало, зафырало, лодка стала катастрофически худеть на глазах. Отсюда, где сидел Володя, мгновенно ушел под воду, как дренаж колоша.

— Снимай сапоги и прыгай, плавай! — крикнул Володя Мише.

К острову плыви, здесь биндик!

Вик там он плавал в воздухе, и пытаясь лодку и пытаясь броситься к берегу дохлую резиновую шкуру; неудобно — взял у ребят и утопил.

— Брось ты ее в дышло. Плавай, заморозил! — оглаусил Миша.

Володя бросил лодку и поплыл к плоту; может, все-таки удержат остров. Никак нельзя его здесь оставить.

С берега донесся страшный донесший крик. Сердце свесилось, в ушах зазвенела кровь. Володе послышалось: «Я люблю, люблю тебя, слышишь!» От холода он почти ослал. Тепло вдруг куда-то исчезло, будто его не было вовсе. Осталась одна пронизывающая боль, присосавшаяся к сердцу. Ноги, обмороченные ногли. Как это он забыл про ноги!

Володя поплыл к острову. Сердце. Сейчас все тело уже висит на этом маленьком пульсирующем комочке... Ах, какой холод, а солнце такое яркое, что обязательно должно быть тепло. Он много раз в своей жизни рисовал воду — ледяную, черноморскую, Байкальскую. Но вот там-таки острые теневые биндик еще не было в его рисунках. Надо запомнить: солнце светит не сверху, а снизу... Сердце альпиниста, оно должно выдерживать. «Доброе утро, Айхал! Белые дома с зеркальными стенами. Острая лыдина ударила в ключище... Это симфония тайги — чистота и радость... Не кричи, Вика! Белье — это совсем не самое страшное. В жизни ничего не надо бояться... И смерти, потому что ее нет... Слышите: нет!»

Мы с Лешей Гейданом сидим на вершине горы, на которую так часто взбирался Володя. Вот там, за тоненными лиственницами, светятся огоньки его городка, который мы хотим назвать его именем. Здесь живут хорошие, сильные люди и плечут совсем крошечные дети — первенцы Айхала.

Сейчас мы напишем письмо маме Кориняно, и нам станет немного легче. Первое письмо проэктировали Чирков и Айхал помнит назусту. Они писали его всю ночь — десять часов. Может, поэтому оно получилось таким неуловимым. Многие слова расплылись. Это девочка пропала, его не было... «Дорогая наша мама Софья Григорьевна! Мы не можем вас ничем хоть чуточку утешить. Потому что нет на свете слов для утешения матери, потерявшей сына. Мы только очень просим: берегите себя, будьте мужественны. И считайте, что все мы, друзья, дети. Володя уже не может уйти из нашей жизни, потому что открыл его ширококрытый кипозат, потому что в Мирном меняются по его проектам улицы и растет с каждым часом его Айхал. Володя не может уйти от нас, потому что так же людина, как он, просто не умирают. Его имя останется навеки в столице города. Это зоркость нам кажется, нет утешения имени этой земли. Дорогая Софья Григорьевна! Мы постараемся быть достойными вас и вашего сына...»

Взвучала АССР.

Мирный — Айхал.

«Мне бы русский язык, а его подобно с парого выстрела, прежде чем он успеет убраться в кусты».

«Жалко, что не удалось подраться с Лоссе: мы точили свои ножи».

«Моя 3-я бронетанковая имеет задчку пустить красным первую кровью».

Кто автор этих хвастливых высказываний? Сержант, капитан, генерал? У них несколько различных форм, но у всех над левым и кормном курти одинаковые нашивки «U. S. Army» — «Армия США». Такие нашивки получают так каждый разгуст вместе с ботинками, каской и прочим снаряжением, вместе с комбинированной противонифонической прививкой, вместе с лыжной строевой:

Не спеши и милаше домой. Этот Дюкун увел ее с собой.

А затем необорачивая начинают вгонять идеологические прививки.

— Ты пришел сюда, чтобы научиться убивать, — адблизбавот ему, — из своего автомата ты можешь убить десять человек за десять секунд, если отключишь огонь первым. Старайся, и ты станешь находчиком гранатомета «Дэви крокет». Его атомная граната уничтожит все живое на площади в несколько квадратных миль, если выстрелишь первым. А может быть, ты попадешь в ракетную часть — к «Атласам» или «Китам». Нажмишь кнопку — и красным нет города размером с твоей родной Джексон. Только наяво еде первым, парвн.

Итак, перед американским солдатом ставит одну-единственную задачу — убивать, разрушать, уничтожать. Печально известный атеид американской «водородной бомбы», ученый-атомщик Эдвард Теллер выразился вполне определенно, выступая на собрании Ассоциации армий Соединенных Штатов: «Американский солдат должен убивать без раздумья».

Идеалом подобных деятелей в давних пор является дрсированная обезьяна, на худой конец —

облеченная в форму бандит, готовая в любой момент перейти на родную. Однако под руками приходится ставить миллионы людей, а большинство сугубо мирных. Им не хочется убивать без раздумья только потому, что этого требуют генералы, повинующиеся приказам денежного мешка.

«Что ради денег и рискуют своей жизнью, гад-нибудя в Западном Берлине или в Южной Корее» — думает тайком какой-нибудь стоговод из Нью-Мексико. — Какую Америку в там зашдодной? Чтобы добиться желаемого обязательно-бандитского идеала, чтобы отучить солдат размышлять, превраще круги США создали огромную пропагандистскую машину. Последние полтора десятилетия она денно и нощно бивает в головы все американцев, что Советский Союз и другие социалистические страны хотят силой добиться мирового господства. Поэтому-то и нужно навести удар первым.

Чтобы превратить солдата в тугопого, безотказного убийцу, в нем всецелие стремятся развить самые низменные инстинкты (именно поэтому в Пингтоге приносятся перед «опытами» гитлеровского вермеха и нацистских генералов вроде Хойзингера). И вот перед строем прожигаются сермягасверххроник, стоявшей ксациализмом по борьбе с коммунизмом, потому что во время корейской войны два года просидел в лагере для военнопленных. Сержант предается поучительным воспоминаниям:

— Перед наступлением на Сеул генерал Макртурр сказал нам: «Ребята, вперед, вы же богатый город, в нем много денег и всего того. Возьмите Сеул, и все деушину будет ваша. Имущество корейск принудивает победителям. Отправь посылку домой будет обеспечена».

— Ну, и как же вы, господин сержант?

— Дело солдата — точно исполнять приказ; — всеело подмигивает «специалист по борьбе с коммунизмом». Затем спохватывается: — Прервать разговор! Самро!

Скорю вы отправитесь за океан. Помните, вы должны вести себя так, как защитники свободного мира.

Объездив перекру, сержант толкует с обостренным его солдаты:

А вообще, ребята, вам повезло, что попадаете в Барнау. Корея — это не для белого человека.

Все радостно гогочет. Дальнейшая жизнь идет в ожидании приказа о погружении в самолеты. К ней подготовлено все вплоть до солдатских завещаний, уложенных в специальные пакеты. Они также отправятся за океан. Учебные тревоги сменяют одна другую. Воспитанию телесному сопутствует духовное. При этом офицеры действуют согласно наставлениям, гласящим: «Инструктор должен поощрять естественное стремление сржаться и убивать».

Обучение ведется с привлечением пособий, рекомендованных Управлением информации и просвещения министерства обороны США, — «Руководства для борьбы с коммунизмом», «Знак своих коммунистических противников» и других. А список книг, рекомендованных для солдатского чтения, выглядит так: «Убийца стучит трижды», «Убийца предупрежден», «Выстрел убийцы», «Гроб для убийцы» и т. д. и т. п.

...Изначец приходит приказ. Батальоны вместе со всеми своими пушками, «джипами и завещаниями грузятся в самолеты и летят за тысячи миль — в Западную Германию. Начинаются многодневные маневры. Помимо американцев, в них участвуют англичане, французы, бельгийцы, датчане, канадцы, ну и, конечно, солдаты ФРГ. На сотни метров поднимаются грибовидные облака атомных взрывов (искусственных). В небо режут реактивные самолеты, обреченные на багровые города опорные подвесные баки из-под горючего (вполне натуральные). Вылетают от канонады стекла в домах мирных жителей, обваливаются задетые танками постройки. Число случайно подстреленных, заданных, покаянен-

ных растет быстрее, чем количество протестов сельских общин, расположенных в зоне маневров.

Возращаясь в казармы, солдаты чувствуют себя победителями. Чем, собственно, немецкий город, где расквартирована их часть, хуже Сеула 1950 года? И вот уже женщины ускоряют шаги, чтобы быстрее добраться до дома, посетители пивных постепенно расслаиваются, а в полицейских участках безостановочно заливаются телефонные звонки. Американские солдаты гуляют. Поминуте, трудно сказать, когда они опаснее для мирного населения — во время маневров или на отдыхе. Хозяин одного западногерманского бара, куда как-то июньским днем зашел Эдвинг Ньютон, не смеет ответить на этот вопрос. 18-летний американский солдат долго сидел за стойкой, оприщивая в себя ромму за рюмкой. Затем он слова с табурета и, качаясь, направился к столу, за которым сидела немецкая девушка.

— Хэлло, бфий! — И Ньютон потянул ее за руку к танцующим. Девушка испуганно отпрянула. Из-за соседних столиков поднялось несколько человек.

— Эй, ами, оставь ей!

Тогда Ньютон повернулся и, выхлывая, лобкал и дворя. На улице он ахнул рукой, и... оглушительный взрыв потряс помещающие. Осколками гранаты, брошенной Ньютон, несколько человек было убито и около ста ранено.

Нет ни одной страны, на территории которой размещаются американские базы, где бы местное население чувствовало себя в безопасности от оккупантов. В той же Западной Германии первостепенной проблемой для полиции стала нападения американских солдат на шоферы такси с целью ограбления. Вниманию тамошних компаний были предложены даже специальные конструкции автомобилей с изолированной кабиной водителя. В случае необходимости водителя такой машины может пустить в пассажиров струю слезоточивого газа.

Ежегодно за пределами США

рассматривается в среднем 14 тысяч судебных дел американских военнослужащих, обвиняемых в грабежах, насилиях, убийствах. И что характерно: большинство бандитов остаются совершенно безнаказанными. Например, американские солдаты, устроившие в Токио погром в баре и ранившие шесть полицейских, были приговорены к порочному заключению на срок от трех до шести месяцев. Однако и это чрезвычайное легкое наказание было отсрочено на три года, чтобы солдаты могли закончить военную службу и вернуться в США». Причем все это касается лишь тех стран, где американские военнослужащие по долгу тамошним законам. В остальных случаях дело, как правило, ограничивается отправкой бандита на родину.

Гангстеризм — вообще один из самых страшных социальных язов, разъедающих Америку. В армии это явление приобретает определяющее значение. Вербования собирают рекрутов: «Вступай в армию, и ты станешь суперменом (сверхчеловеком)». От движения твоей руки будет зависеть миллионы жизней. Разве это не соблазнительно?»

Однако все знают, что бандит смел, лишь когда он уверен в своей безнаказанности. Но если

безнаказанности нет, то трудно создать ее иллюзию. И пропаганда надаривается: «Вступай в армию, молодые люди Америки! 100 процентов успеха вам гарантировано. Россия не имеет шансов на успех в войне». В доказательство пропагандисты ссылаются на американскую разведку, забывая, что эта самая разведка села в галоп, недооценив возможностей революционной Кубы и сопротивляению агрессорам. Забывая они и другие — серьезные предупреждения, не раз дававшиеся советскими государственными и военными руководителями о том, что наши Вооруженные Силы способны нанести сокрушительное поражение любому агрессору.

Ведь если молодая армия Страны Советов, разутая и раздетая, плохо вооруженная, смогла разбить отлично экипированные войска интервентов 14 стран (в том числе и США), то теперь на страже наших границ стоят войска, оснащенные лучшим оружием космической эры.

В Пентагоне считают, что молодому парню с нашейкой «U. S. Ал-пуз незачем знать все это. Ему завязывают глаза, чтобы он не мог размышлять, шагнуть в пропасть.

К. ГЕРАСИМОВ

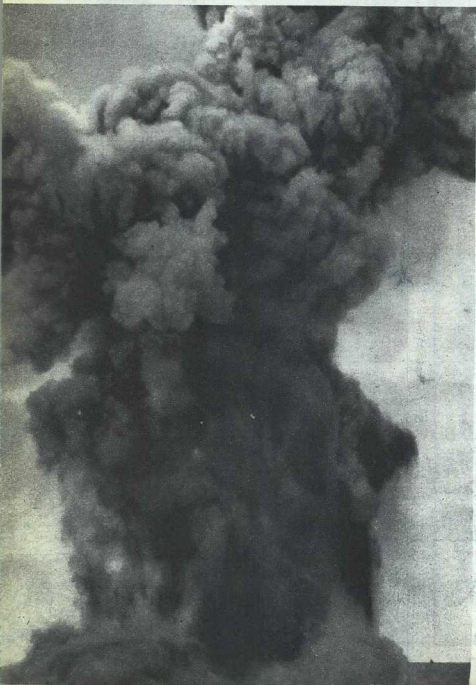
РАМЫ
В
ЗЯНУ

ДРЕССИРОВАННЫЙ

Юрий РЫБЧИНСКИЙ

Фото В. АРСЕНЬЕВА.

Это было в один из осенних дней прошлого года. Моторка с тремя пассажирами держала путь и маленькому острову Обского моря. Пассажирка — высокий помолодел человек и двое совсем еще молодых — изредка поглядывали друг на друга и снова переводили глаза на дно лодки, где лежал виновник путешествия, старательно укрытый куском брезента.

Подойдя к берегу, откинули брезент и извлекли на сушу странный снаряд: что-то вроде картонного ведра, набитого песном. Дно ведра было устлано взрывчаткой, а его стенки сверху донизу оббиты детонирующим шнуром. Шнур оплетал «ведро» таким образом, что витки его, редкие на одном конце снаряда, постепенно уплотнялись и на другом конце, возле дна, шли уже не только вплотную, но и несомненно являю, даю по другу.

Снаряд установили на берегу. Выглядел он не очень убедительно.

Затем зажег бинфордов шнур. Огонь полых по нему, а трое отбежали в сторону и стали ждать. Через минуту раздался взрыв, и снаряд со свистом и шипением понесся в сторону моря. Пролетев несколько десятков метров, он шлепнулся в воду.

Почему же «ведро» полетело? Казалось, что, начиненное взрывчаткой, оно

тут же на берегу должно было опомнеть свое существование.

Мы сидим в комнате, походящей на аудиторию. Нас, слушателей, двое, а лектора сразу четверо. Главный — Владимир Кузнецов, кандидат технических наук, научный сотрудник Института гидродинамики Сибирского отделения Академии наук СССР. Но ученое звание в этом учреждении вовсе не признак солидного возраста: всего четыре года тому назад Владимир окончил Московский физико-технический институт. Вести лекцию ему помогают Илья Шер, в прошлом году еще студент, а ныне младший научный сотрудник института; Арсен Мирзаян — лаборант, студент 2-го курса Новосибирского университета; Толя Черников — лаборант, студент 3-го курса университета. Все вместе они и составляют штат лаборатории института, изучающей проблемы взрыва.

— Давайте совершим небольшую экскурсию в область науки и техники, — говорит Владимир. — Предположим, из стержня стоит стаян с водой, и вдруг у этого стаяна мгновенно исчезает стаян. Что произойдет с жидкостью? Поинтино: она просто разольется по столу, разольется-то разольется. Но как? Под давлением верхние слои воды самые нижние будут разливаться быстрее всего и дальше всего раз-

С тяжелым гулом, словно из преисподней, выражается и вырастает над полуголом огромный столб дыма, пыли, камней. Еще один опытный взрыв подтверждает правильность новой формулы.

ном составе лаборатория взрыва Института гидродинамики.

За последние — полтора взрыва Дня уносит в котлом, и обжигается вся одежда взорвана. Их здесь множество, воронки различной глубины и конфигурации. Брызги, уходящая ввысь пылью вытнутой массой у самого борта трамвая или в нескольких десятках метров от борта. В будучи это, предположим, водный канал, вырытый взрывниками с гарантией безопасности обитателей городских постоев. Взрыв, выбрасывающий мощную струю грунта и софидацией прообраз дамы или плотины. Несколько взрывов, следующих друг за другом и оставяющих на месте зеленого поля черной шапкой с острыми хребтами земли, вырванными у одной из его сторон: так будут засыхать пласты грунта, имеющие большую площадь и неглубокое залегание.

Так взрыв будет полагать в мирном созидаии.

Прежде чем осмотреть воронку, позволю бросить взгляд на сейсмограф...

В

брызгиваться в стороны. Значит, чтобы сохранить неизменной форму столба воды в станке без стенок, нужно со всех сторон столба приложить определенное давление. Оно должно возрастать по мере приближения ко дну. Ну, а если желательнее, чтобы столб воды без стенок не только сохранил свою первоначальную форму, но и тому же еще и подпрыгнул над столом? Очевидно, для этого его необходимо как следует подтолкнуть снизу.

Все это теория, — продолжает Владимир, — твердый грунт в момент взрыва похож по своим свойствам на жидкость. Именно поэтому картонный цилиндр с взрывчаткой на дне и на стенках, где она утолщалась по мере удаления от верха «вазды», взлетел в воздух, не изменив своей первоначальной формы.

От цилиндра с песком, описывая небольшую дугу над обским морем, оставался шаг до настоящего взрыва, способного окончательное подтвердить расчеты ученых, через несколько месяцев подготовки этого взрыва.

На одной из песчаных набережных возле Новосибирской пробурили несложно сигнализацию и начинили их взрывчаткой в соответствии с новой формулой. К месту взрыва приехали взрывники-практики из Новосибирска. Из Москвы прилетел главный инженер треста «Союзвзрывпром» М. Донуцаев. Не то чтобы Донуцаев не верил в науку, но на всякий случай гнал молодежь от «греха и взрыва подальше» за воссоздать метод по рыльцу снегу.

И вот взрыв. Косой, одинокий, заставляющий все, что натураль, шутники илубливы пыли и дыма. Поверхности — трамвая, аэродромная, будто бы из буднички вырван на ноюном. Не так заинтересовал взрывников-практиков в опытах ученых? Ведь они проводились, производились взрывы, по мощности во много раз большие, чем тот,

который они наблюдали возле Новосибирска. И самый сложный — направленный взрыв, при котором вся масса земли из воронки выбрасывается в определенное место, — тоже не был для них необычной.

Но как до того действовали взрывники, когда им нужно было, например, перерезать реку? В эти случаи они пользовались тем же методом, который применяют лесорубы. Чтобы свалить дерево, его предварительно надрубят, а потом уже с другой стороны столба, несколько выше зарубки, основательно работают пилой или топором. При этом дерево обязательно падает в сторону заранее сделанной зарубки. У взрывников такую зарубку делают первым зарядом, который располагается побок и реке, в нижней части берегового уступа. Вторым, основной заряд закладывают выше и дальше от русла. Земля, вырванная вторым взрывом, летит в основной массе в сторону реки, подобно тому как спяленное дерево падает в сторону предварительно зарубки.

Этим методом широко пользуются взрывники не только при строительстве плотин, но и во всех случаях, когда необходимо приращение надвального взрыва. Он осужден взрывником хорошей службой, однако не все в этом методе совершенно: значительная часть грунта разлетается в стороны от основного направления выброса. А отсюда отсюда расход взрывной энергии впустую, ненужностью таковыи безопасности и нередко исправлен в виде экскаваторов и бульдозеров.

И вот появляется новая формула. Простая и, судя по первым опытам, позволяющая надменно управлять взрывом.

До посеяка час взрыва от Новосибирска на природной аэродромной. Сюда на неделю, а то и на две время от времени выезжает в пол-

Реакция ценная бурлит, миры взрывают!
Не атом сбиваются —
сердца воспламеняются
Миллионвольтовой дряхлостью,
разбурженною ясностью,
Простреленною песней,
заплетою над Пресней,
Взмывая вверх не стрончимел,
в спутников, а стройками,
А правдой человеческой
над кридой и над нечестной!

Реакция ценная бурлит, века взрывает!
Не атом расширяется,
а плечи расправляются,
А шепчут мира губы слова: Америк и Куба,
Слова: Москва и Дружба.
Слова: Долой атомские!
Слова: Соревнование и Сосуществование.
И слов сильнее нету в реакторе планетей!
Реакция ценная планету сотрясает,
Включенная под Земляю
рубинькойко всемирным,
Программы весом словом,
и к звездам взлетом новым.
Да здравствует
такая реакция ценная!

Когда бы измерилась жизнь годами,
Ревесники, кто были бы мы с вами!
Мы были бы солидные мужчины,
Оттравив наших вестей половиною.
Почтительные юноши в травле
Вставали бы, нам место уступая...
Но есть другое в жизни измерение:
Музают не по правилам сложеная,
Прожитых лет суммируя итоги,
Как километры пройденной дороги,
Иным великим было лишь под тридцать,
Когда пришлось им с жизнью

распроститься.
Их в молодом на кострах сжигали,
Их в казематы мрачные бросали,
Веревками пенальтиым душили,
А люди — жили. После смерти жили!
Мы празднуем поныне юбилей
Коперника, да Виччи, Галилея,
Они глядят на нас через столетия,
Вот это да, вот это — долготелье!

ПЕСЕНКА О МОСКОВСКИХ РЕБЯТАХ

Во всем Замоскворечье забыты
И сквизы морозом не ставятся ни в гроши,
И блужде, чем до Марса, на целую
Попутчиков сегодня, пожалуй, не
найдешь.

Крылатые фрегаты, ликие каравеллы
И штормовые ночи в тропических
морях —
Все это было в прошлом, все это
под Москвою,
Осталось лишь в романах и поэзатых
снах.

Да здравствует такое измерение,
Где не года считают, а творенья!
Пусть сует судьбу мою вершит —
Лет, что живу я все, пусть лишишь
И передает тому, кто не успел
В труде бессонном кончить добрых дел.
Пушай берут те годы, например,
Михайло Ломоносов и Гомер,
Пушай отидет их благодатный мир
Тому, кто Цюлковской и Шахтстр!
Пусть до минуты авестит каждый год
Из тех, что жизнь так щедро нам дает.
И копь ступия на землю ты, мой друг,
Скажи: зачем вот эта пара рук!
Скажи: зачем горит в теба твой мозг,
Капуго мысль на землю ты принес!
А если не мыслителем рожден,
Где тот дубок, что был тойбай взращен!
Где тот олод, что взят твоим штыком!
Ты увидя, где ты построил дом!

Вздростые герои, курносые Чапаи
Вдур сразу повзрослели, в плечах
пораднелись,
У их мента ниак, у их судаб дружок:
Зовет их в путь-дорогу космическая
вьсь.

Во всех дворах мальчишми ракеты
снешно строят,
Как будто до полета осталось пять
минут,
И где-нибудь на Марсе, совсем как
под Москвою,
И ахнут не успеешь — паватки
разобьют!

КОРОТКО О ИНТЕРЕСНОМ КРАТКО О ИНТЕРЕСНОМ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ «ЗАПОРОЖЦА»

Вы, конечно, помните, как выглядел «Запорожец». Сравните его с изображенной на этом снимке небольшой модной микропикаркой. Кажется, ничего общего. И тем не менее перед вами автомобиль той же марки. Он создан на запорожском заводе «Коммунар», «Запорожец» переживает пору

своего второго рождения. Пройдет немного времени, и он выйдет на автодороги страны. Внешность нового автомобиля современна и динамична. При изготовлении кузова и отделки будут применяться дорогостоящие, яркие цвета, шпакетовые и лакокрасочные материалы с добавлением виснозы и

напрона, различные пластмассы и другие синтетические материалы.

Несмотря на небольшие размеры, у нового «Запорожца» автономный четырехтактный, четырехцилиндровый двигатель мощностью 26 лошадиных сил с воздушным охлаждением, с верхним расположением клапанов, с рабочим объемом цилиндров 767 литра.

На автомобиле установлены гидравлические амортизаторы телескопического типа, пружины, но очень удобная рулевая колонка, радиорегулировка на трансмиссиях. У нового «Запорожца» улучшенная система воздушного охлаждения двигателя, замостительный багетини и много других интересных новшеств. Маленький богатырь весит всего 720 килограммов и может легко мчаться со скоростью 100 километров в час. Изменения конструкции ходовой части обеспечивают хорошую устойчивость и плавность хода на больших скоростях, а обширная площадь остекления — хороший обзор местности.

Сейчас новая автомобиль готовится и государственными испытаниями. Испробуй многие сотни километров пути по проселочным и шоссепым дорогам нашей Родины.

А. АВДУЛЛИН,
инженер

Фото А. Сергеева.

Автовошебник

В одном из гаражей Лондона введен в эксплуатацию автоматический номеревер «Аито Маркс», что означает автовошебник. Он предназначен для одновременной мойки 10 легковых автомобилей. Сначала машина везет на поворачивающуюся платформу. Затем с помощью иконочного управления платформа поворачивается и устанавливает автомобиль на номеревер, раскладу на все эти операции 10 секунд.

На номеревер производится обработка кузова мылососами, очистка диска колес и шин от грязи, предварительная мойка шампунем водой и мойка раствором, чистка роторными щетками, ополаскивание машины, сушка и протирка несущих труднодоступных мест. Весь этот комплекс работ занимает 15 секунд.

На номеревер работает 10 человек, обслуживающих до 1 500 машин в сутки.

В. ПЕТРОВ

Р Е А К Ц И Я

«СВОБОДА или СМЕРТЬ!»

Нет, он не остров, Куба —
Стремительный корабль:
Дымящиеся трубы
И флаги, как кораллы.

Он развинулся к берегу,
Крушит волны,
По всем портам Америки
Неся асву.

На капитанском мостике,
Высок и смел,
От каменн матросов
Командует Фидель.

Встречая грудью ветер,
Сбивая смерч,
Гремит по всей планете:
«Свобода или смерть!»

Нет, он не остров, Куба —
Стремительный корабль:
Дымящиеся трубы
И флаги, как кораллы.

Он весь — в сверкающие сварки
И стволы топоров,
Он весь, как знамя, жарок
И, как солдат, суров.

В миллионы сил на рейде
Котлы его бурлят,
И в Бронксских дети
За партами сидят.

И в пыль дробится волны —
Назад не сметя!
И слышно: «Самый полный»,
«Свобода или смерть!»

И СНОВА В БОННЕ...

Письмо коллеге N
живущему в Западной Германии

...И снова пепел книг сожженных,
И зык фельдфебелей мильной,
И генералы бредят в Бонне
Опыт восточной войны.

А где-то, вновь упрямившись в Барн,
В пяти минутах от войны,
Сидят бастардские пары —
Том, Германник, сыны!

И не витает перед ними
В дыму виков, как призрак, тхт
И Шиллер твой, что продан мим,
И Гейне твой, проклявший их!

Когда опять надев мундир,
Их вновь готовят на войну,
Какою кровью перед миром
Искупишь ты свою вину!

Я знаю немцев, в тюрьмах павших,
Тебе отдавших жизнь сполна,
Позорная покорность ваша,
Должна ж предел иметь она!

Прости, но в дим, когда там, в Бонне,
Кому-то вновь нужна гроза,
И не могу смотреть спокойно
В твои спокойные глаза...

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ЛЕД РАСТОПИТЬ, А ВОДУ ЗАМОРОЗИТЬ

География — наука о Земле. Читая учебника географии, мы привыкли думать, что география только описывает Землю. Описывает, это совсем не так. Ученые не только наблюдают за поверхностью нашей планеты, но и стараются применить закон природы для блага людей.

В Институте географии Академии наук СССР нашли два остроумных решения сложной проблемы снабжения водой наших среднеазиатских республик.

Высоко в горах Памира и Тянь-Шаня медленно ползут белые реки. Это ледники.

Но представляете такую картину. Над одним из ледников появляется самолет. Он выпускает шмели ферной пыли. Пыль оседает на ледник, и из белого он превращается в грязновато-серый и даже черный. Черный цвет лучше поглощает солнечные лучи. И вот на пыле слухает лед начинает таять.

Для чего вдруг понадобилось расплавлять ледники? За счет их таяния питаются реки Средней Азии, несущие воду.

Можно услышать таяние, если по-

смазать часть ледника угольной пылью.

Но для того, чтобы получить воду, не всегда выгодно растапливать лед. Иногда приходится делать наоборот.

В пустынях Туркмении очень мало пресной воды. Скот здесь пастут обычно мелководью от редких колодезь и источников. Но есть в песках и озера. Однако овцам обходится их, даже козды их томит жажда. Воды в этих озерах очень соленая и для питья не годна.

В пустыне, как известно, резко выраженный континентальный климат. Зимой здесь стоит мороз. Ученые предложили осенью перкачивать солоную воду в специальные низлубкие бассейны. Пресная вода на морозе замерзает, а распостается на дно. Рассола по канавке вытустит из бассейна, а ледяная глыба весной превратится в озеро с пресной водой.

Этой зимой в северной части Каспийского, возле Ганжука, уже подготовлены такие бассейны. В них наморозено много льда.

Д. КУКОВ

РЕДКАЯ ОХОТА

Подводная охота — уже давно не новость. Тысячи легионеров, любителей этого увлекательного вида спорта, отправляются летом к морю, на берега рек, озер.

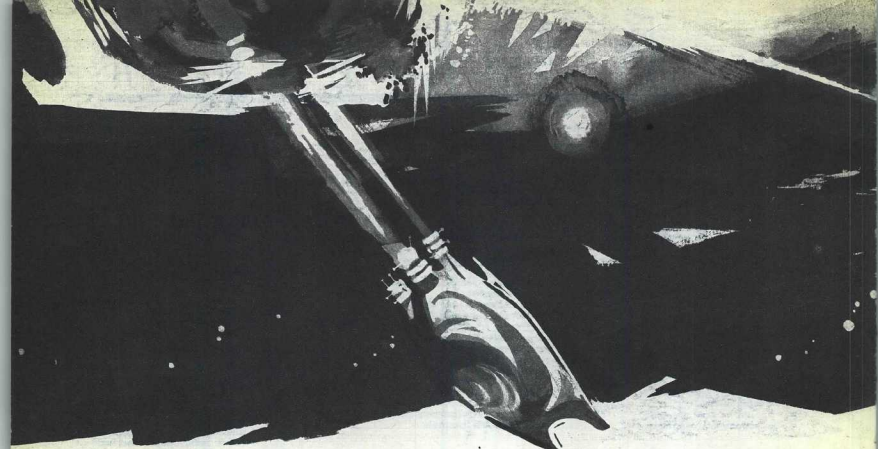
А нельзя ли и зимой поохотиться под водой? Занятности с Балтийского завода имени Орджоникидзе решили, что можно, и в этом

из воскресений поехали на озеро. Вместе с ними любители не охоте и я. Прощай она, как видите, удачно. Улов получился неплохой. И уха, приготовленная на свежем воздухе, вышла на славу.

В. БЫКОВ

Фото автора.

Встреча через века

Георгий МАРТЫНОВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА.

Продолжение. Начало см. №№ 17—24, 1961 г. и № 4, 1962 г.

Керри и Чарли снова склонились над экраном, рассматривая его с тем же напряженным вниманием. Охотничий пыл их, видимо, не был удовлетворен только что одержанной победой.

Корабль снова начал набирать скорость, но это происходило едва заметно, просто появился обычный вес, как на Земле без антигравитационного пояса.

— Мы близко от цели, — ответил Владимир на вопрос Волгина. —

Возле «Ф-277» придется почти совсем остановиться. Нет смысла развешивать полную скорость.

— Но мы отстанем от других.

— Не имеет значения. Подойдем немного позже.

— Есть шансы встретить еще один камень? — спросил Волгин.

— Мало, — недовольным тоном ответил Керри. — Мы находимся у внешнего, вернее, внутреннего, если исходить от Солнца, края пояса астероидов. Их много там, дальше, ближе к орбите Юпитера.

— Но ведь Эрик пожелал вам счастливой охоты.

— А разве вы не слышали, каким тоном он сказал это? Эрик хорошо знает, что сегодняшний случай редкий и вряд ли повторится.

— Что у вас, соперничество?

— Конечно. Каждый экипаж стремится вписать в свой актив как можно больше уничтоженных астероидов.

«А ведь они не получают за это никаких премий», — подумал Волгин. — Вот соревнование в чистом виде.

— Зачем же тогда, — спросил он, — вы позвали его на помощь? Справлялись бы сами. Теперь у вас было бы тридцать восемь, а у них семьдесят четыре, а не семьдесят пять.

— Так не годится, — сказал Чарли. — Мы задержали бы всю эскадрилью. Одному кораблю труднее, провозились бы минут двадцать. Но, признаться, мы не хотели звать Эрика. Керри позвал Молибдена, а вы слышали, что он не смог нам помочь. Экипаж Эрика лучший в нашей эскадрилье, они рекордсмены. Ни один корабль не имеет больше сорока, а у них явное больше. Но я сказал и опять повторяю: мы их догоним.

— Следует добывать и перегоним, — засмеялся Волгин. — В мое время говорили так.

2

Огромное тело малой планеты почти правильной шаровой формы висело в пространстве на расстоянии пятнадцати — двадцати километров от «И-76». Корабль медленно подлетал к нему, чтобы занять свое место в строю.

«Ф-277», как исполинская гора, тускло блестел под лучами далекого Солнца. В пустоте трудно определить размеры, их не с чем сравнивать, и астероид казался гораздо больше, чем был на самом деле. Трудно было поверить, что крохотные в сравнении с ним рабочие корабли смогут справиться с этой чудовищной массой.

— Неужели и это рассеется, как тот камень? — спросил Волгин.

— Нет, — ответил Керри, — мы не будем полностью уничтожать астероид. Мы только снимем его верхний слой, примерно на километр-полтора. Придадим ему форму правильного шара, а затем ослабим силу его тяготения к Солнцу. И «Ф-277» уйдет на первого пояса астероидов во второй, за орбитой Плутона.

— А он не встретит по дороге какую-нибудь из больших планет?

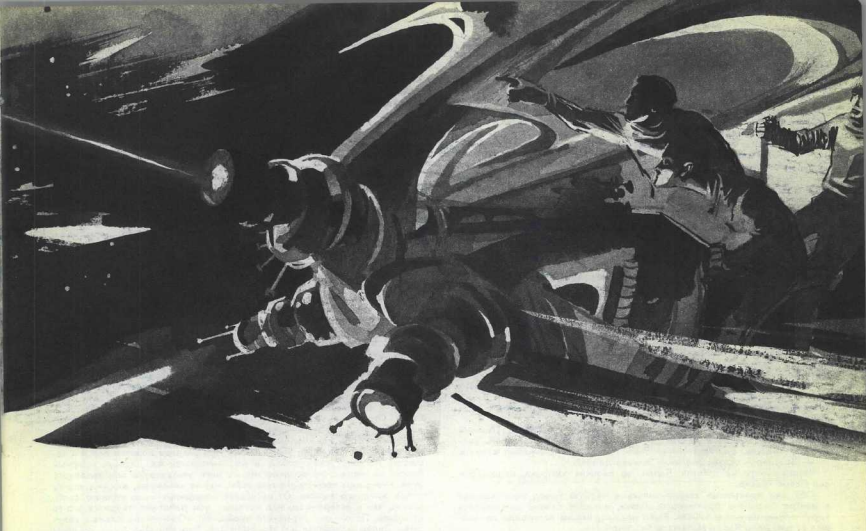
— Если и встретит, беда невелика. Но все рассчитано так, что на своем спиральном пути от Солнца «Ф-277» не должен встретиться ни с одной планетой.

— Сложная задача! — сказал Волгин.

— Скоро будет легче. Как только закончится строительство гравитационной станции на Марсе, мы будем посылать эти шарниры прямо на Солнце.

— Мне кажется, что это еще сложнее. Ведь на пути станут тогда Земля и Венера. Если для Юпитера, Сатурна, Нептуна «шарик» диаметром в четыре километра пустяк, то для Земли...

— Расчет прямолинейного падения значительно проще.

Волгин недоуменно пожал плечами.

— Не понимаю,— сказал он,— зачем вы трогаете сейчас крупные астероиды? Оставьте их до того времени, когда станция войдет в строй.
— Увы! — ответил Керри.— Теоретически вы правы, Дмитрий. Но на практике дело обстоит не столь просто. Станция на Марсе мощна, это верно, но она не будет обладать беспредельной мощностью. Марс движется, астероиды тоже. Придется ждать удобного взаимного положения Марса и каждого из астероидов. Насложный расчет показывает, что на это не хватит времени до прилета Фазтона. Пользуясь только станцией, мы очинили бы пространство между Марсом и Юпитером за триста пятьдесят лет. Вот и приходится мучиться с теми астероидами, которые не скоро появятся вблизи Марса.

— А большие астероиды? — Черры, Веста?

— Все, кроме Весты, удачно попадают в график работ. Все появляется в районе действия станции до прилета Фазтона. Одна только Веста «упрямится». С ней придется повоювать. А это орешек, да еще какой! Триста восемьдесят километров в диаметре. Тут уж не обойдешься одной или двумя эскадрильями. Пошлют весь истребительный флот.

— Насколько он велик!

— В настоящее время у нас шестнадцать эскадрилий. Но, видимо, их не хватит для Весты. Будет построено еще несколько, повышенной мощности.

— Вы хотели бы принять участие в этом последнем деле?

— Не особенно. Самое интересное у нас — это уничтожение мелких тел. Увлекает процесс их поисков, погоня за ними. Не всегда все происходит так легко и гладко, как сегодня. Не случайно большинство истребителей любят охоту. Для этой работы нужен именно охотничий нюх.

— Я как-то упустил из виду, но хотелось бы знать: охота как спорт сохранилась в ваше время?

— Как спорт и как удовольствие. К сожалению, в наше время не может быть крупной охоты, какая была у вас. Почти все хищники давно истреблены. Скажите, Дмитрий, вы охотились на тигров? — спросил Керри. Его глаза загорелись.

— Нет, я никогда не был в южных странах. Охотился на более мелких зверей. А с каким оружием вы ходите на охоту?

— Черри рассмеялся.

— Вы ничего в этом не понимаете,— сказал Керри, кинув на товарища.— Ему смешно, что мы, охотники, не хотим пользоваться ультразвуком, тепловым или лучевым оружием. Но мы должны понять, Дмитрий, мы охотимся с самыми обыкновенным, старинным пороховым оружием, что толку убить дичь управляемой пулей? Когда нет риска промахнуться, нет и удовольствия.

— Согласен с вами,— сказал Волгин.— Я всегда удивлялся, что в мое время охотники на болотную дичь не пользовались думом и стрелами. Я охотился на уток с пистолетом, это куда интереснее, чем с ружьем, да еще зарынным дробью. Именно так, как вы сказали: нет риска промахнуться — нет и удовольствия.

— В следующий раз, когда я буду на Земле,— сказал Керри,— пойдем на охоту вместе. Хорошо?

— С большим удовольствием.

— Но мне будет трудно соперничать с вами. Ведь вы сверхмощный стрелок. Как это у вас называлось?

— Снайпер,— сказал Волгин.

— У нас нет этого слова.

Пока шел этот разговор, «И-76» подошел к астероиду совсем близко. От скамистой поверхности малой планеты его отделяло не больше полутора километров. Далеко-далеко блестящими точками виднелись два соседних корабля. Остальных не было видно.

— Эскадрилья окружила астероид,— пояснил Керри.— Корабли находятся на равном расстоянии друг от друга, по окружности эватора планеты. Потом они переместятся на другую окружность, перпендикулярную первой. Это делается из соображений безопасности.

— В чем тут опасность?

— Представьте себе, что двенадцать охотников окружили колючим крупного зверя и стреляют в него. Есть опасность?

— Есть. Можно поразить не зверя, а другого охотника, стоящего напротив. Но так могут поступить только неопытные люди.

— Мы вынуждены располагаться кольцом. Иначе нельзя работать со столь крупным «зверем». Но он сам же и защищает нас. Корабли не видят друг друга.

— Исключены очень мощные,— сказал Владимир.— Плохо придется экипажу корабля, попавшему под пулю другого.

— Вниматель! — раздался голос Эрика.— Проверю готовность. И-71?

— Ответа не было слышно.

— И-72? И-73? И-76?

— Нахожусь на месте, готов,— ответил Керри.

— И-77?..

— Эрик — командир эскадрильи! — спросил Волгин.

— Постоянного командира у нас нет. На этот раз ему поручено руководить работой. Отказы это сделано потому, что на его корабле Игорь Второв, Эрик — опытный истребитель. Например, мне не скоро доверят руководство.

— Я знаю: вы летите второй раз.

— Это что вам сказал?

— Мушниц.

— Он ошибается. Я лечу второй раз на уничтожение крупного астероида. Но во второй вооруже. Сколько раз мы вылетали на охоту? — спросил Керри у Владимира.

— Это вылет двенадцатый.

— Вы всегда вместе? — спросил Волгин.

— Всегда. Вместе начали, вместе и кончим. Больше десяти лет редко кто занимается этой работой. Есть много других, более интересных.

Приготовиться! — раздался команда Эрика. — Начали!

Гудение, но никак разбойников! Снова началось тесное поименное корабля. Волгин с ухом вспомнил, что работа по уничтожению верхнего слоя астероида продлится два суток. Неужели придется терпеть это гуд все время! Уже теперь, спустя минуту, у него начала болеть голова.

— Но гудение почему становится слабее, потом наступила тишина.

— Пока все, — сказал Керри. — Первая обработка продлится часа три-четыре. Отдыхайте!

— Машин продолжают работать?

— Вы знаете в аду излучение? Да, они работают, как же иначе.

Но они вошли в ритм, и потому их не слышно.

— Сейчас мы ничего не увидим!

— Это зависит от веществ, из которых состоит верхняя часть астероида. Луч рассеян, а не сосредоточен, как было при уничтожении того камня, который мы уничтожили. Если там гранит или базальт, они поглотятся нескорее, если металлическая руда, то быстрее. Вы негодники, Дмитрий! — заболтано спросил Керри.

— Невозможно.

— Давайте заваряйте!

В первый раз за время своей жизни в девятом веке нашего эры Волгин увидел, как люди сами, без каких-либо автоматов, готовят для себя пищу из разнообразных, очень вкусных консервов. Это напоминание о былые туристские походы, в которых он принимал участие.

Благодаря, на котором, казалось, зрелищные образованные, воспитанные их неженкой, больше ру фольерлю, сплавкой, черным кофе и персики.

Все было совсем свежим, рыба и кофе горячими, хотя их не подогревали. Теряли и стаканы вместе с пустыми банками и остатками пищи сложили в небольшой металлический ящик, где через минуту не оставалось даже запаха. Простое, привычное и некоем потерии времени. Рабочий корабль был в изобилии снабжен всем необходимым.

Керри вернулся к пульту, чтобы сменить Чарли. Но прошло не одну минуту, как он подошел к себе излучения.

— Смотри! «Ф-27» поддается обработке даже быстрее, чем мы предполагали.

Волгин увидел, что поверхность астероида покрылась туманной дымкой, становившейся на глазах все более густой и плотной. Бассачинья вначале, она постепенно стал принимать оранжевый оттенок.

— Красиво, — сказал Волгин. — Это всегда так!

Керри ничего не ответил. Чарли, но окончив завтрака, подошел и сел в свое кресло.

Волгин опять внимательно всматривался в черную точку, появившуюся в центре голубого оранжевого облака, которое словно взметнулось вдруг направо напротив «И-76». Было похоже, что на астероиде произошло взрыв. Лицо Керри выражало беспокойство.

Внезапно он поднял руку. Волгин видел, как напряженно застыла эта рука, потом резко опустилась.

Стол

Команда прозвучала ормивство, как выстрел.

Боконным зрением Волгин увидел мелькнувшую фигуру Владимира, бросающегося к машине. И точно же раздался знакомый гуд, быстро парализовал в шипение, и наступила глубокая тишина. Волгин понял, что излучатели невадодой ему энергии прекратили работу.

Он посмотрел вперед, на астероид.

Оранжевое облако стремительно расширилось, захватывая уже половину диска планеты. Черная точка превратилась в огромное пятно, в середине которого что-то ярко блеснуло.

— Керри! Керри! Назад! Черный блеск! Черный блеск! — кричали два голоса одновременно, видимо, с обеих соседних кораблей. С остальными могли не видеть, что происходило на этой стороне астероида.

— Назад! Позади! — сказал Чарли.

Керри, казалось, ничего не слышал. Не шевельлся, с застывшим лицом, казавшимся белой маской, он не спускал глаз с черного пятна, в центре которого истерично ярко горело голубое пламя.

Но было видно, что «И-76» не стоит на месте, а быстро уходит не назад, а в сторону, спасаясь от немалой Волгин опасения.

Он вспомнил, что кораблем управляют, как арлетом, на рукам, а мыслю, и что Керри не было нужды шевелиться.

Грозный процесс на «Ф-27» шел быстрее, чем мог лететь рабочий корабль. «Черный блеск» разгорался так жарко, что было уже невозможно смотреть на него. С поверхности астероида взлетали узкие, длинные языки оранжевого пламени. Один из них мгновенно достиг корабля. Видимым со стороны усилием воли Керри заставил «И-76» резко рвануться вперед, и это спасло корабль от прямого соприкосновения.

— Кажется... начал Чарли, но не закончил.

Второй язык оранжевого огня прошел совсем близко, почти коснувшись корпуса корабля. На невидимой стороне повязались темные полосы. Что-то затрещало, как барабанный дробь, слышно снаружи, по металлу обшивки забили тысячи крохотных молоточков. Воздух внутри корабля заискрился зелеными точками.

— Назад! Назад! — кричало уже несколько голосов с соседних кораблей.

Волгин видел, как Керри, сцепившись руками в край пульта, все еще не спускал глаз с астероида, где разлилось сплошное, невыносимое для зрения море голубого огня, сделал нечеловеческое усилие. Очевидно, он находился на грани обморока.

И корабль в последний раз подчинился своему командиру. Сверкнувший, подобно маленькому солнцу, астероид стал удаляться.

А зеленые огоньки в воздухе густели, становились все ярче. Трудно было дышать, казалось, что в грудь проникает пламя, сердце судорожно металось и замирало, мозг обволакивал зеленый туман.

Волгин почувствовал по всему телу укол, точно в него ввалились сотни острых булав. Мгновение он видел на месте «Ф-27» клубя-

щийся голубой шар, который стремительно увеличивался. Потом черная мгла поглотила его сознание.

Второй сидел рядом с Эриком у такого же пульта, какой был перед глазами Волгина, ожидал момента, когда сила ультразвука, соединяемая с тепловым излучением, окажет заметное влияние на поверхностные слои астероида. Тогда вступит в действие другие, неизвестные ему излучающие аппараты, которые начнут разлагать вещества планеты на молекулы, превращая их в газ. Вторым сразу после уничтожения маленького астероида засыпал Эрика вопросам. И ему удалось, правда, нервно и смутно, уловить чье-то всего процесса.

Случилось так, что разговор с Эриком и его помощником Эриком развился Второму причине происшедшей катастрофы. Этот разговор начался буквально за несколько минут до того, как она разразилась.

— Скажите, — спросил Вторым, — а можете вы немедленно встретиться с зелеными радиоактивными вещества на обломке бывшей планеты? Как повзникют не них ваши излучения?

— Такие случаи были, ответил Эрик. — Но приборы предупреждают нас о наличии опасных веществ. Такие астероиды мы не трогаем. И ним вылетает специально оснащенная эскадрилья.

— Значит, «Ф-27» уже правы?

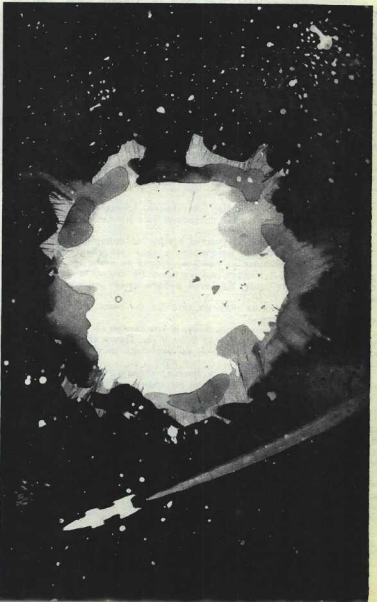
— Конечно. Иначе мы не прилетели бы сюда. Здесь нам не угрожает никакая опасность. А если радиоактивности вдруг повисит, мы вовремя улетим об этом и успеем уйти.

— Был ли хоть раз несчастный случай с рабочим кораблем?

— На с кораблям, а с целой эскадрилей. Это произошло двадцать пять лет тому назад. Тогда еще даже не подозревали о существовании «Черного блеска».

— Это что такое?

— Точно не объяснись, — ответил Эрик. — Название переведено с фэтонского языка. На старом Фэтоне, когда узнали об участии, грозившей планете, изобрели и синтезировали бесчисленное множество веществ способных слепить горячим для космолетов. Одно из них и называлось «Черный блеск». Потом фэтонцы открыли антигравитацию, и все старые системы космолетов были заменены гравитационными. Огромные запасы очень опасных веществ остались в подвальных хранилищах. Большинство из них радиоактивные, и потому их запрятали глубоко. Но «Черный блеск» нельзя сбрасывать никакими приборами. Фэтонцы были уверены, что при распаде планеты все эти вещества погибнут сами собой, и не уничтожили их. Видимо, «Черный блеск» не переносит воздействия на него ультразвука или теплового луча. Что с ним происходит при этом, мы не знаем, но, видимо, что-то вроде ядерного взрыва. От голубой эскадрильи было принято сообщение, что с астероидом, над которым они работают, творится что-то странное. Потом они отрывисто сообщили: «Оранжевое пламя... голубое... Зеленые огоньки...» И это было все. Впоследствии были найдены в пространстве три корабля с мертвым экипажем. Остальные исчезли.

как и самый астероид. Мы заскрипели фантоном: Он предположил, что не все спасены «Черным блеском» погибши при катастрофе. Но беда в том, что они сами не знают, что же такое «Черный блеск». Свидетель о нем у нас не сохранилось.

— Значит, встреча с «Черным блеском» не исключена? — Может быть, есть и тут? — ответил Эрик. — Но теперь нам известно, что катастрофа не наступит немедленно. Есть признаки — оранжевое и голубое пламя, зеленые огоньки. Если вдруг обнаружатся такая явления, мы успеем отлететь на безопасное расстояние. До сих пор никто больше не встречался с «Черным блеском».

— Выходят, а еще работа не вполне безопасна. — Эрик пожал плечами. — В борьбе с природой всегда есть опасность. Но ведь люди никогда...

Внезапно раздался голос, полный тревоги: — Керри! Керри! Назад! «Черный блеск»!

И через секунду: — Назад! Назад! Эрик мгновенно выскочил, как стальная пуля, и Второв все телом почувствовал, что корабль рванулся прочь от астероида. Ускорению было так велико, что у него потемнело в глазах. — Назад! Керри, назад! — настойчиво кричали откуда-то из-за планеты, где, как знал Второв, находился «И-76», на борту которого был Волгин.

Эрик и Эдвин молчали, не слухая глаз с астероида. Ожидать можно было всего. Никто, кроме погибших четверых ваза назад истребителей, не видел и не знал, что происходит, когда нарушается тысячелетний покой «Черного блеска».

Что-то происходило там, на той стороне астероида. И вдруг... Ослепительная вспышка голубого огня вдруг чудовищно взвилась. На месте, где только что был виден астероид, закружились синие-оранжевая тушь. Перед глазами экипажа «И-80» мелькнули несколько зеленых точек и сразу пропали. Струя оранжевого огня погасла в нескольких километрах впереди корабля.

Туша быстро расщепилась. Несколько минут она светилась в пространстве зеленым светом, потом как-то сразу погасла.

Ничего больше не было видно. Только звездный «И-80» остановился. И полетел обратно, к тому месту, откуда только что улетал.

Эрик и Эдвин молчали, тяжело дыша. За спиной Второва непонимая стоял третий член экипажа — Гелли.

— Дмитрий! — прошептал Второв. — Они не могли опоздать... крило сказал Эдвин. — У них было достаточно времени.

«Внуки»! — голос Эрика звучал металлом. — Прозвонку переключи.

«И-71» и «И-72» — «И-71» — «И-72» — «И-73» — «И-74» — «И-75».

Второв замер, боясь дышать.

«И-76», «И-76а».

Молчанье. Эрик поблелел.

«И-76а».

Никто не отвечал.

«И-77а».

«Железный от, что ли?»

«И-78а».

Отозвались все. Молчал только Керри.

— Кто видел, что произошло? — спросил Эрик, как будто совсем спокойно.

— Я... Второв не знал, кто это говорит... Возник оранжевый туман, быстро разросшийся. Потом появилось оранжевое и голубое пламя. Мы сразу поняли, что это «Черный блеск». Все признаки, кроме зеленых огоньков. Их не было. Я бросил корабль назад и крикнул Керри, корабль которого находился прямо напротив очага пламени.

Но Керри пошел не назад, а в сторону.

— Как ты думаешь, почему он это сделал?

— Очевидно, именно потому, что находился напротив огня. Он хотев выйти из района действия «Черного блеска».

— Он поступил правильно. Что было дальше?

— Появились длинные языки оранжевого огня. Они достигли «И-76а. Тогда Керри стал отступать, но корабль летел странно медленно. Потом взрыв».

— Где сейчас «И-76а»?

— Я его вижу, Эрик. В ингалясок корабль выглядит, как всегда! Видимо, он не пострадал.

— Три корабля, найденные после первой встречи с «Черным блеском», тоже ажище не пострадали, — ответил Эрик. — Значит! Всем кораблям осторожно приблизиться к «И-76а. Без меня ничего не предпринимать. Совместно с Марсом! — приказал он Геллию.

3

Огромная стена в главном зале заседаний Верхнего совета науки представляла собой сплошную экран. Вернее сказать, ее просто не было видно. Казалось, что все здание невдалеке как перенеслось на Марс и люди смотрят на чужую планету через испепеленное око.

Тридцать членов Верхнего совета с огромными лицами сидели в креслах. Тут же находились все оставшиеся на Земле, члены экипажа «Леннага», кроме Озерова и Вилсона, не вернувшиеся еще из своей поездки в будущую Англию.

Все молчали.

Трагическое известие молниеносно облетело Землю, Марс и Венеру. И не было человека, который в этот момент не ждал бы с огромным напряжением возвращения на Марс эскадрильи Эрика.

«И-76а» Керри, Владимир, Черни! И Дмитрий Волгин! Человека, с колоссальным трудом возвращенный к жизни, гордость науки! Опечаленные вальсачицы побоялись разума над природой!

— Этого нельзя допустить! — сказал Люций, выхвативший к телефону Ио. — Мы должны сделать все, чтобы вернуть его снова к жизни.

— Дорогой друг, — ответил Ио, — ты взволнован и не отдашь себе отчет в том, что говоришь.

— Значит... — Подумай сам, Я и все к твоим услугам. Но... Люций понимал, а чем думает Ио.

Десять лет назад великий человек, умевший на кораблях эскадрильи, встретившись с «Черным блеском», были доставлены на Землю, и сам Люций участвовал в тщательном исследовании трупов.

У всех оказались сожженными легкие, все имели следы воздействия неведомой лучистой энергии. Ни одного нельзя было вернуть к жизни.

Правда, сейчас ученые знают причину разума над природой! — изменить искусственным. Можно заменить и сердце, если оно повреждено. Но времья...

Эрику нужно никак не меньше пятнадцати часов, чтобы вернуться на Марс. Период инертности мозга пройдет, необратимые процессы развития клеток головного и спинного мозга не оставят никакой надежды. Ио прав.

Если они погибли, нет никакой надежды!

«Если погибли!» А разве они могли не погибнуть! Люций был готов рабы на себя возложить от отчаяния. Со смертью Дмитрия наука потеряла все, чего достигла с таким трудом.

Но научные соображения только вскользь затрагивали ум Люция. Он испытывал глубокое человеческое горе: он любил Дмитрия как родного сына.

К Ио обратились не один Люций — родственники Керри, Владимира и Черни ждали с нетерпением его последнего слова.

И старый медик вынужден был объяснить каждому, что если члены экипажа «И-76а» умерли, то вернуть их к жизни невозможно.

Есть...

«И-76а» — коритовское слово, оброненное известным врачом, членом Верхнего совета науки, заронило надежду.

Оно облетело всю Землю, о нем узнали работники экспедиций на Венере, стрелителю станций на Марсе, экипажи ракетопланов и истребителей орбиты.

«Ио сказал: «Если они умерли». Значит, он допускает, что они могут быть живы».

И в час до прилета на Марс эскадрильи Эрика вступили в действие все энергии Земли. Мощные станы имплантационной связи, работающие почти на предельно ослепительном бесперебойном, четкую видимость.

Люций не удивился, когда к нему явились космонавты, прилетевшие из Ленинграда. Он был бы удивлен, если бы они не сделали этого. Вместе с ними он отправился в здание филиала Верхнего совета науки, где находились самый мощный экран города.

Ио и двадцать восемь известных медиков и биологов уже были там. Он тотчас же обратился к Люцию и рассказал ему, что они решили посоветовать врачам на Марсе:

«Надо исходить из факта, который будет установлен после доставки на Марс «И-76а. Живы члены экипажа корабля или мертвы. В первом случае все зависит от того, в каком состоянии они находятся. Если жизнь едва теплится, если скорая смерть неизбежна, есть смысл сразу заморозить тела, так как на Марсе сплести их нельзя. А здесь, на Земле, мы их оживим».

— С Дмитрием этого нельзя делать, — сказал Люций.

Казалось, Ио удивился. Но он ничего не возразил на эти слова, сказанные тем, кто больше всех был заинтересован в сохранении жизни Волгина. Он понял, что имеет в виду его друг.

«И... продолжал он — если они мертвы, то мы не знаем, когда наступила смерть. Коробль закрыт. Никто не видел, что и кем творилось. Может быть, смерть наступила не сразу, а в пути, совсем недавно. Тогда опять-таки надо немедленно заморозить тела».

— Правильно... — Все сами бросим на спасение Дмитрия. Но... робко прибавил Ио, — допустим, что он все же умрет...

Люций ответил спокойно, странно-бестрастным голосом:

«Перед тем, как мы оживим Дмитрия, состоится всемирная дискуссия, сам задает наше право оживить его. И мы это сделаем. Вы знаете, Ио, в чем мы ошиблись. Может быть, для Дмитрия эта неожиданная смерть — счастье».

— Значит... — Придется покориться судьбе. Дмитрий Волгин — человек, а не подопытный животный».

Ученые молча переговаривались. Если сам Люций так говорит, значит, надеяться не на что. Ведь только благодаря ему, только имея мощную поддержку Люция, сторонники оживления Волгина одержали победу. Бесполезно было вносить новую дискусию, если заранее известно, что Люций выступит против.

Котов перевел слова Люция своим товарищам. Его выслушали с величайшим вниманием. Все знали, как горячо любил Люций Волгина.

Ксения Станиславская опустила глаза. Только она одна знала, чем вызваны слова, порвавшие язык.

«А если я ошиблась! — думала она в смятении и растерянности, мучивая утратившими совести... Если Дмитрий погибнет по моей вине!»

Он глубоко раскаявался в своих словах, которые вырвались у нее при встрече с Люцием сегодня утром. Но она не знала, не могла даже предположить, что они произведут на Люция такое впечатление.

Продолжение следует.

ной змейкой разбежалась Карамуський канал по желтым просторам карты Туркмени. Змейка двух цветов. От Аму-Дары — синяя, уже существующая искусственная река. А дальше, до Каспийского моря, — красная. Это еще та река жизни, которую видит пока лишь проектировщики да мечтатели.

Больше пятсот тридцати километров — человеческого труда там, где вода, стоит семидесятиградусная жара, где нет воды, где беснуется ураганный ветер — афганец... Это востину поединок людей... Нам очень хотелось увидеть людей, совершивших его, людей, которые и сейчас продолжают свою будничную героическую борьбу с природой. И мы решили проехать по всей трассе канала.

Первые километры, первые встречи

Дорога бежит вдоль Копет-Дага. С одной стороны — поросшие колючкой серые тавары, кое-где перемежающиеся с грязно-желтыми песками, с другой — сплошной массив хребта, исчерченного сверзвизу синими ветвями пологими. У его подножья, словно нарезанные ломти каравая, лежат зеленые холмы. Радио-радио-промышленный кушк полевых жизни. Иногда они полурасположились — оставленные хозяевами. Сколько лет и даже десятилетий прошло с тех пор, как люди ушли ближе к воде!

Минувшая районный центр, мы выезжаем на широкое асфальтированное шоссе, по которому то-ропливо громят как самосвалы, грузовые трамваи и камазы. Они спешат на строительство Тедженского водохранилища. Этой большой искусственной бассейной будет регулировать уровень воды в канале и реке Теджене.

Шоссе пересекает реку. Дождей не было с прошлой весны, но русло не пересохло, как бывало прежде. Быстрый мутноватый поток бежит к городу и дальше, на поля района.

А вот и сам канал. Здесь он неширокий, вода не додекает до проектной мощности. Вдоль канала тянутся целые горы вынутаго грунта, сыпучего, зыбкого. Не-

вольо думается: каково-то было пробыть в песке эту артерию жизни! И я вспомнила историю, которую мне рассказали в Ашхабаде.

Было это летом, в самой зной. Песок скрипел на зубах, засыпал глаза. А бараны шапки-теленки рыскали от собачьих лап — на пачочной пудры. Умыться бы с студеной водой, прилечь бы к ведру — губам и пить, пить до лопаты в зубы. Впрочем, что уж говорить о студеной воде, когда и телу-то выдвигалось по стогому-нибудь! Хочешь — пей, хочешь — мойся. Воду подвозили машинными кидальце: тачки — для бетона и питьевую — для людей.

На участки круглые ступи гудели механизмы. Здесь работали бетонщики Колбаско.

Работа шла спорно: ни минуты простоя. Малышки обгорелые, с шелушащейся кожей руки, потные, блестящие лица. Гудели самосвалы. Пошел большой бетон.

— Кто-то оставил Василия и отвел его в сторону!

— Слушай, водоизнос застряли. Лопались на место инвентаризации. Глаза Колбаско сузились в щелочки, нервно заприглажи шарки на скулах. Он с минуту подумал, тяжело втянула воздух, потом резко отрубил широким радником: — Кто останавливал! Нельза стоять... Будет вода!

По-прежнему гудели механизмы. Лопались на место инвентаризации. Глаза Колбаско сузились в щелочки, нервно заприглажи шарки на скулах. Он с минуту подумал, тяжело втянула воздух, потом резко отрубил широким радником: — Кто останавливал! Нельза стоять... Будет вода!

Кочкалась смена, и ребята Василия Колбаско молча свалились на койки. Лица их почернели, майки покрывались пятнами соды, губы у всех стали сухими, как бумага. Умыться было ничем, не остався воды даже для чая. Кто-то ругал шофера, технику, пески... Но разве в то время дело, что поворот для облегчения души усталый, наглотавшийся пыли человек? А знал ли кто-нибудь, что несколько часов назад двое из этих парней, не долго думая, спустились в бетон питьевую воду из собственной бригадной цистерны! Все до капли. Об этом никто не говорил.

Я решила во что бы то ни стало найти ребят из этой бригады. Вот почему, когда в контору строительства Тедженского водохранилища, я тут же спросила:

— Не знаете ли вы, где Колбаско?

— Слыхали. Есть такие, — ответил заместитель начальника участка Халыев. — Но не у нас.

Сотни километров — ведь свой битву по строительству Василия Колбаско, и там, где в долине возводили строители, легла гонимая летящая колыма жизни.

Где — не знаем. У нас свои ребята отменные. Хотите познакомиться?

— Конечно, хочу.

— Азиякуму Халыев называет нам фамилию отца за другой, Механизаторы, рабочие землеройных отрядов, бетонощики, арматурщики, монтажники, инженеры... Все это люди, которые не первый год на стройке, многие из них награждены здесь орденами и медалями.

— Пойдемте на участок. Там обязательно найдем кого-нибудь.

Несколько рядов юрт. Каждая из них достояние домини, обтнутый брезантой и поставленный на тракторные шасси. При переходе с участка на участок бульдозерист прицепляет домик к машине и везет за собой прямо по песку, словно улитка своего раковину.

— Вот здесь живет бригада Володи Тищенко, — говорит Халыев. Интервью народ. Зайдем!

Бульдозеристы отдыхают. В юрте у них по-колхозному уютно: железные кровати, огромный семейный стол, на железной печурке греется засоленный чайник.

С первых слов разговор как-то не клеится. Володя Тищенко, невзрослый белокрылый украинец, отзывается ланкино:

— Как работаем! Ничего. Как в Сочи. От дела не бегаем, и оно за нас не гоняет. Кубы даем...

И все, весь разговор. Ничего тебе романтично. Все, моя, у нас обычно, буднично: кубы даем. И я вспоминаю бульдозера, работающего сейчас в забойке, где бесится серый, хлюпающий ветер. В таких же условиях вода работает и ребята Володи Тищенко. В таких, а иногда и худших.

— Стоял январь. Было холодно. Особое дело в конную сумму. А тут еще забой Ивану Торину достался мокрый. Тяжелый, слыпшился песок приставал к ногу и потом отваливался зловонными смятками. Под гусеницами хлопала мутная вода.

Эше час-два — и можно было чай допить. Сидеть бы к горюхит домик, взять бы в руки стакан обжигающего чая и держать, пока ладоням — станет нетвердое. И ядрю бульдозерист почувствовал, как машина вернулась всем корпусом, пошла медленно, тяжело, болоту ранена, и замерла. Иван выпрыгнул из кабины и тут же оступился по колесу в воду. Бульдозер медленно засасывало. Парень слез за рычаги, рычагом взял с места, но машина не двинулась.

Нужно было знать подмогу. Через несколько минут приехал Володя, потом Атамура Кызов. Заехали трос, потянули. Но только засеркивало, заблужало под гусеницами...

— Не пойдет, проклятый! — крикнул Тищенко. — Зови остальных!

Слешно прибежали еще двое,

молча осмотрели засевший бульдозер, влезли за лопаты.

Раскалывал мокрый песок, стоя по колено в ледяной воде, строила нечетно просачиваться в сапоги, — дело не из веселых. Грунт, только что откинутый в сторону, упало стелал на промывае. Снова нагнулись и засеркижал трос. Но результат был тот же...

— А ведь его может совсем засосать, не оставила дума от Ивана. — И поставь на этом месте вешку... Как же мы будем на трех машинах работать!

— Больше девяти часов не уходишь они из забоя. Только к утру машину вытлужи на сухое место...

— В обговорен, в конце концов ребята разогрелись. Правда, Тищенко сказал, что не такой уж это выходящий случай — откапывать всю ночь бульдозер, бывали, мол, случаи и похуже.

Собираюсь уходить, я спросила у ребят:

— Вы на канале давно, не знаете ли, где тут работают бетонщики Колбаско? Может, слышали?

— Слыхали. А вы, писать про них будете? Вы лучше про нашего Атамура напишите.

Атамура Кызов сидел на кровати, ссутулившись, покрывая от смущения. По-русски он говорил неважно, но товарищи все отлично понимали и переводили мне.

— Я из колхоза Кюрова, — сказал он, — это тут, близко, в Тедженском районе. Пришел по комсомольской путевке тянуть воду к своему селу. Дома жена, дочка, мамка. Раньше был в колхозе трактористом.

Вода в колхоз Атамура уже пришла, но он решил встать еще и дальше: вода нужна и другим...

— Потом, когда у всех вода будет, — назад. Хлопок сярты.

Об одном Кызов умолчал: за отличную работу на строительно-монтажном отрядом Леонида.

— А знаете, как переводится его имя! — спросила меня ребята. — Атамура — гордость отца. Правильное имя.

Они посоветовали мне поискать Колбаско на головною сооружении.

Аскет быть, бетонощик действительно там! И мы отправились с попутным самолетом в поселок Головное, расположившийся у сямой Аму-Дары.

О сннх озерах в людях веселых.

Аму-Дарья встретила нас ясным небом и добрым солнышком. Но вода и в реке и в канале, берущем здесь свое начало, корчится здесь под голубым небом. Река несет в горах грязь. Это настоящий бич для гидростроите-

ЖИЗНИ

лей и эксплуатационников. В голове канавы то и дело нымывает мели. Люди здесь шутят: «У нас на шее эта голова сидит. День и ночь ее разрабатываем». Действительно, круглые сутни не останавливаются моторы земснарядов, очищающих русло. Образуются мели и дальше, на следующих километрах. Там тоже работают земснарядчики — часовые канала. Они расширяют, выравнивают его, борются с прорывами и заносами. Пройдет еще несколько лет, пока искусственная река «приживется» на новом месте, образует постоечное ложе.

В Головной опять не повезло: бетонщики Колбаско были неуловимы. И все-таки я не отказалась от мысли найти их — решила проехать по каналу до той самой точки, где должна была начаться третья очередь строительства.

И вот, пересев на полуглиссер, мы отправились на восток. До

поселка Эксплуатации наш путь лежал через озера, которые еще недавно были мелкими и засоленными. Канал прошел прямо через них, образовал огромные водоемы. Вода там очень красивая, синезеленая, прозрачная, как в настоящем море, только пресная. Берега терпятся в дымку.

Мы увидели настоящее птичье царство. Издали почуяв опасность, поднимались тяжелые гуси. Велье и серые цапли летали к берегу. В одном месте нам встретился даже пеликан. С тех пор, как сюда пришла большая вода, Келисские озера стали излюбленным местом зимовки водоплавающей птицы. Люди меняют географию. Меняются и птичьи маршруты.

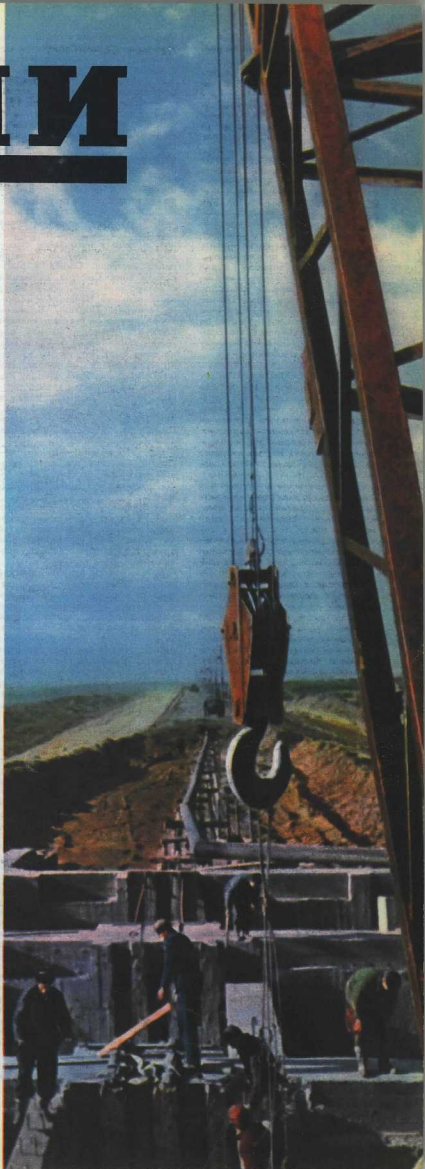
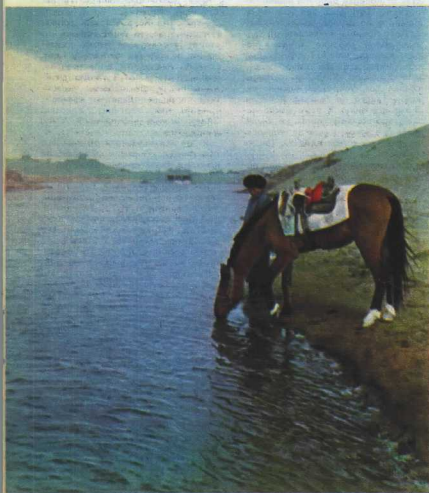
Кончились озера, мы опять поплыли по каналу. Впереди, пожив на берег гигантскую руку трубы, застыл земснаряд.

— Вот тут работает бригада Бориса Охремчука, — сказала сопро-

Фото Л. РАСКИНА.

Пустыня отступает.

Сбылась вековая мечта гуркменского народа: пришла вода в Каракумы.

БЛИЗНЕЦЫ НА ЛЬДУ

А. АХМЕДЖАНОВ

Внешне они похожи, словно три капли воды, словно три стройных телюги, выросших в родю...

Они близнецы-тройняки. Родились в один и тот же час, с промежутками в пятнадцать минут. Старший — Толя, средний — Саша, младший — Миша. Родились буквально за месяц до начала Великой Отечественной войны.

...Тяжелыми были те дни. Они знают это из рассказов матери — Софьи Викторовны. Она под боевыми знаками вела троих трудных детишек, да еще двоих неунывающих пациентов — их старших братьев — в Камарово. Там мать месяцами работала на заводе. Дни она отдавала им — трем крохотным человечкам, иллюстрированным три одинаковые куклы-голяшши.

Конечно, матери одной вряд ли удалось бы выводить их. Посовсю находились друзья. Тисячи друзей, отзывчивых и заботливых. Они присматривали за ними, когда женщина работала, другие приносили всевозможные подарки, третьи мастерили коляски, игрушки. Да разве вспомнить все, что сделали для них посторонние люди в то трудное военное время!

С семи лет ребята стали заниматься музыкой и вскоре создали свой домашний оркестр близнецов. Толя играл на фортепьяно, Саша — на виолончели, Миша — на контрабасе. Увлекались и рисованием, этой потусторонней страстью семьи. Их дядя — Григорий Глушков — был известным художником и преподавателем рисования. Он

раз год они уже играли первой юношеской командой. А в разгар сезона 1938 года тренер Николай Семенович Эпштейн убедил братьев в команду любителей «Химика».

Что сказать об их спортивном пути? Он так же прост, как и все их жизни. Вначале много было плаксивости. Николай Семенович оказался внимательным и заботливым воспитателем. Работал с близнецами много.

Со всеми троем и с каждым в отдельности. Быстрее все нашел себя Саша. У него рано проявился характер волевого бойца. Единство с соперником было его родной стихией. Он муштровал себя между жонглированными бортингами, будучи в стенах общевойсковой кавтарии, с теми лучше не встречается на пути и веро-

таем» — уважительно говорили о Саше — бывалые хоккейные «лавы», отдавая дань его смелости и находчивости. Братцы, как три капли воды, похожи в жизни, а на льду поле они совсем разные. Саша смел и решителен. Он стал защитником. Миша — быстрый, легко воспламеняющийся. Разумеется, ему больше пошлоло амплу нападающего. Толя — тот, спокойный, уравновешенный и очень точный в движениях. На его долю выпала самая трудная в хоккее роль вратаря...

Как видишь, и в спорте близнецы создали свой семейный ансамбль! Много завоевывавших поединком проявил близнецы за свою короткую, потруженную жизнь. И где бы они ни выступали, им немалое внимание уделялось всеобщим вниманием. Еще был Три близнеца в одной команде — случившееся в хоккейной протинте! «Близнец» — это не только смелость, техничность, смелость, мужественность, — так завоевывали братьев один из журналистов после

того, как «Химик» в позапрошлом году уверенно победил в чемпионате Чехословакии. О них восторженно писала польская и финская пресса.

А они? Они по-прежнему скромно и упорно совершенствовали свое мастерство. Тренер учил их: единичные успехи — это еще не мерки настоящего класса. Главное — научиться побеждать сильнее. А слышь у них случались и победы очень чувствительные. Так было, например, в прошлом сезоне во время матча в Горном. Сыграв они тогда выиграв, и молодежная команда «Химика» впервые завоевала бы серебряные медали. А как хотелось стать обладателями этих медалей!

Они отдали все тому поединку. Прогривали поначалу

1:3. Потом повели — 4:3. И время уже было на исходе. С самым восторгом смотрели близнецы друг на друга, а эти секунды и надо же было так случиться Гаго-то в самом конце вбросу остановились часы, по вбросу остановились, игровае время. Судья пославшился. Гагини просят, матч еще на пять минут, и «Химик» проиграл — 4:3. Слово невдари-мал сила снова действия игроков в эти пять роковых минут.

Что ж, значит, судьба! — говорили хоккеисты после матча.

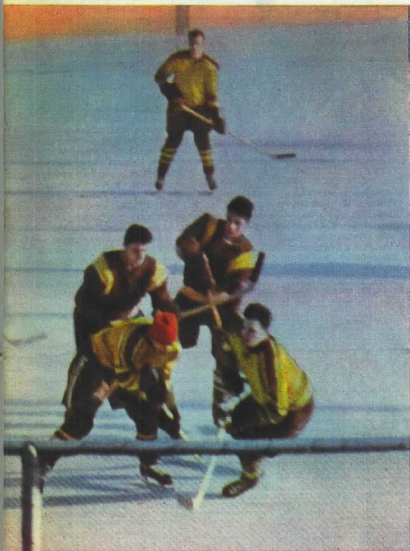
— Как там судьба! — возгоричнено прервал их Николай Семенович. — Просто не научились выдать своего нерва. Значит, не настоящие вы еще игроки!

Молодая команда «Химика» совсем недавно вышла на большой хоккейный горизонт, но она уже прочно стоит в числе сильнейших хоккейных коллективов. Задорная и необычайно острая игра молодежи постоянно радует болельщиков. И в этом немалая заслуга трех

Фото А. БУРДУКОВА.

После напряженного матча можно и сфотографироваться. Слева направо: Александр, Анатолий, Михаил...

близнецов, выступающих в юниорской «Химике».

— Как-то в Кемерово в первый год войны мать вывезла гулять трех сыновей, нашедших три пилы-голыши. Они были увлечены риданом в самодельные сани, сделанные из обычного деревянного корыта. Мальчик сразу же привлек к себе внимание. Подошел к ним и высокий, немного грузный человек.

— Я вас знаю, — сказала Софья Виторовна. — Вы Леонид Осипович Утесов.

— Да, я приехал в Кемерово со своим оркестром.

— А это мой близнец. Не очень они худые!

— Да не волнуйтесь вы за них! Вырастут, здоровыми будут. Посмотрите, какой и крепкий, — с жаром говорил

Утесов. — А ведь я тоже двойняшка. В Орессе у меня се-стренка есть!

С тех пор прошло двадцать лет. Близнецы выросли, стали здоровыми, ладно скрипными гармониками. Они — мастера спорта. Саша уже играет в первой сборной команде страны!

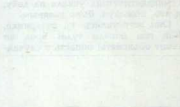
— Толя — братец молодежной сборной. Теперь черед за Мишей!

— Если вам захочется увидеть наших близнецов на хоккейном поле, приходите на матч команды «Химика». Они все трое выйдут на лед, так схожие в жизни и так непохожие в спорте.

Диктор представит их вам: — Братец Анатолий Рагулин.

— Защитник Александр Рагулин.

— Нападающий Михаил Рагулин.

А эти снимки рассказывают о детстве Рагулиных. Вот их семейный оркестр. На нижнем снимке запечатлен момент матча второй юниорской команды «Химика», за которую выступали Рагулины. Фотографии сделаны в 1957 году.

Воспитатель места

РАССКАЗ

**М. ГИНДИН,
К. РЫКОВ,
Г. РЯКИН**

«Эта история о девушке, которой было семнадцать, и о юноше — ее ровеснике. Конечно, это история о любви, и чтобы дождаться об этом, не надо быть особенно проницательным. Юность всегда грезит об алах парусах, под которыми приплывай счастье» — даже теперь, когда паруса заменены двигателями. И наши семнадцатилетние тоже ждали своего волшебного корабля.

Эта история о девушке, которой было семнадцать. В один прекрасный день она совершила первый в жизни револьверный поступок и погнала бабушку маму в первый обороте. Она безжалостно отрезала роскошные каштановые косы, которые привязывали ее к детству, и перекрасилась в желтоватую Бабетту. (Увы, в наше время путь девушки к самостоятельности часто лежит через парикмахерскую.) Потом она... Впрочем, нужно ли рассказывать о последующих мелких оборотах? Достаточно

сказать, что она была чудесной дочкой. А кто доставляет родителям больше огорчений, чем чудесные дочери!

У нашей девушки было одно увлечение... Нет, пожалуй, не увлечение, а любовь — огромная любовь, о которой мне еще не время рассказывать, иначе вы угадаете конец истории...

Эта история о юноше, которому тоже было семнадцать. Он тоже совершил револьверные поступки, последствия которых шла собирать с вальдолом в руках. У нашего юноши тоже было увлечение — о нем он никогда не рассказывал приятелью. Но иногда по вечерам он ходил... я не скажу, куда, нет, я не хочу, чтобы история оказалась слишком простой. Ведь на самом деле она оказалась тяжелой сказкой, какой бывает любовная история только у семнадцатилетних.

Они встретились на вечеринке. Поезд для нас выехал в воскресенье: в этот день исполнилось 275 лет со дня рождения немецкого физика Даниила Френкеля. Которого, внаглую роинтели одного из семнадцатилетних учеников, и это, пожалуй, было главным.

Они встретились на вечеринке. Как они попали туда? Вряд ли стоит объяснять: попасть в случай-

ную компанию никогда не составляло труда. Ее предлагали подружки, пообщая при этом: «Там будет колоссально!» Согласитесь сами, что это очень заманчиво. Когда приглашают в театр или кино, ничего подобного не обещают: там не так уж часто бывает «колоссально».

Девушка вошла, когда веселье

было в разгаре. Танцующие встали друг на друга, танцующие пурово плли «плодово-выгодное вино. Уже начал туманиться юные головы и проясняться взаимные симпатии.

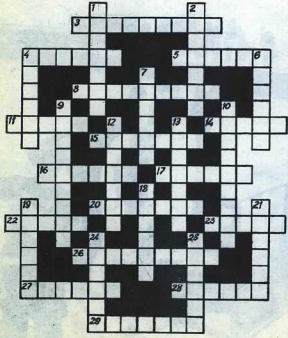
Он стоял у радиола и перебирал пластинки. Они встретились взглядами. И для них ворвался в душную комнату свежий ветер отдувающийся из широких просторов. Чистый ветер, которым помыла алая наруса дождливого корабля, шепнула им: «Встрейте ваше счастье!» Или это им показались? Так бывает, когда очень ждешь. Но они хотели верить, эти двое семнадцатилетних!

Весь вечер они очень старались понравиться друг другу. Но в свои семнадцать они уже усвоили правила хорошего тона для «светских компаний»: не быть sentimentalными — иначе будете смешными; быть серьезным, если не хочешь показаться скучным; быть пошлым, чтобы не показаться серым; смеяться, но не раскрывать, чтобы создать себе репутацию интересного человека.

И он рассказывал анекдоты, и она звонко смеялась — иногда раньше времени, потому что все равно их не понимала. Они танцевали, плли вино, снова танцевали, и все это было действительно сча-

КРОССВОРД

Составила В. РУЙНИНА
(г. Москва).

По горизонтали:

1. Герой романа «Поднятая целина» М. Шолохова.
2. Действующее лицо пьесы М. Горького «Васса Железникова».
3. Правильное общественная деятельность, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
4. Советская женщина-кино-режиссер, удостоенная Международной премии мира.
5. Советская поэтесса.
6. Варяговка о комсомолке, партизанке Великой Отечественной войны.
7. Значительная змеящая - курукузювуд, дванды Герой Советского Союза.
8. Певец, народная артистка СССР.
9. Обращение украинцев, драгоценностей.
10. Решительность, истинность в действиях.
11. Роман Г. Николаевича.
12. Автор романа из жизни латышской деревни «В гору».
13. Русская революционерка XIX века.
14. Опера Ж. Вилли.
15. Скульптор, автор монументальной группы «Рабочий и колхозница».
16. Советская спортсменка, рекордсменка мира по прыжкам.

По вертикали:

1. Топкое «боброе» селение.
2. Первая русская женщина-

- летчица.
4. Самолет, на котором советские летчики совершили в 1938 году беспосадочный перелет Москва - Дальний Восток.
6. Повесть писательницы.
7. Часть цветника Ленинского народного университета СССР.
10. Советская артистка театра и кино.
12. Город, где проходила Международная конгресс матерей.
13. Поэтом, принявший национальность.
15. Испони-

2. Теллица главных ролей в первых советских музыкальных киноопереттах.
3. Теллица для вырашивания в русских просторах.
5. Писательница, мать писателя.
8. Писательница, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
9. Роман В. Васильевича «Жизнь и судьба».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

7. Теркин.
8. «Аврора».
10. Гагарин.
12. Озеро.
13. «Гренила».
15. «Юргора».
16. Кавитан.
17. Чапаев.
18. Насна.
20. Рубин.
24. Курск.
25. Чухачев.
27. «Гоним».
29. Артиллерия.
30. Вильшевский.
32. Чуйков.
34. Шолохов.
35. Охотск.
38. Москва.
40. Нахичевань.
41. «Глушница».
42. Жаркий.
44. «Каштанка».
46. «Амфрибия».
47. Корпус.
48. Десант.

По вертикали:

1. Старшина.
2. «Фроит».
3. Пилотаж.
4. Автомаг.
5. Волга.
6. Радетчик.
9. Ленинград.
11. Арзрука.
14. Давидов.
19. Соколовский.
21. Промышленник.
22. Бахтияр.
23. Подпольщик.
25. Устой.
26. Навит.
31. Корчагин.
32. Нарядов.
33. Юноса.
36. Оплот.
37. Курскант.
39. Атлас.
40. Наряд.
43. Игрок.
45. Атака.

досланию» — не потому, что дупераздирающе гремела с пластинки король рок-н-ролла Элвин Пресли, не потому, что долговязый клоун в очках прокричал песенку «Две маленькие вожки в пелюновых чулочках», а потому, что в этот вечер они встретили друг друга...

— Си пошла ее провозжать. Большой ночью пошла она ее провозжать.

И в таинственной серебристой тишине заколдованного города ему хотелось сказать ей такие слова, которых не находила до него ни одна влюбленная. Сказать, что она первая любовью осознала его жизнь, что весь мир стал от этого прекраснее и белая ночь волшебнее... и сказала:

— Погода-то в порядке. А она, очарованная ночью, тудеснейшей в ее жизни, ответила: — Законная погода.

Что делать — красота не вешалась в рамки обязательного журнала!

Дальше он шел и молчал и не хотел, чтобы она говорила: она была чудо как хороша, когда молчала! Ее очень мало молчали, как одним идет улыбка, а другим серьезность.

Она шла и молчала. И больше всего боялась, что он заговорит. Когда она молчала, то казалась умнее и чище.

У ее дома он пожелал друг другу руки. И не называя встреч. И не говоря ни о чем. Она поклялась к себе и взяла свою скрипку...

У нашей девушки было одно увлечение. Нет, пожалуй, не увлечение, а любовь, огромная любовь к музыке. Она скрывала это от пацанов по вечерам, потому что они научили ее стесняться прекрасного. Но когда ей было очень хорошо или совсем плохо, в му-

зык она находила отмычки и «чуткого друга».

Этой ночью она не могла не играть. Первая любовь поступалась в ее сердце и прошла мимо. Прошла, потому что невозможно любить человека, не понимаящего красоты. А ведь все пути к самому хорошему пролегают через прекрасное...

А он стоял у ее дома и слушал. Из раскрытого окна скрипка рожала в ночь грустную музыку чьего-то обидленного сердца.

Юноша слушал, зажав дыхание.

Он умел отличать холодное мастерство виртуоза от волнующей исповеди музыканта, потому что никогда по вечерам тайком ходил в филармонию. Тайком, потому что друзья по вечерам научили его стесняться прекрасного.

Он слушал, и ему было очень грустно. Ведь та девушка, с которой он только что расстался, никогда не пошла бы шемнице-нежной песни скрипки о потерянном счастье, об уходящей любви. Наверное, она сказала бы равнодушно: «Законная музыка»...

Рисунки К. БОРИСОВА.

Потом скрипка замолчала, и юноша ушел в ночь, в белую ночь, чтобы никогда не возвращаться к этому дому.

Грустная история, не правда ли? А шпротен, если подумать, скорее смешная.

Двое семидесятилетних стариков старательно притворялись, что они не любят, не понимают и не хотят прекрасного! Да, конечно, она очень смешная, эта история. Очень смешная!

Но скрипка по вечерам поет одиноко и грустно.

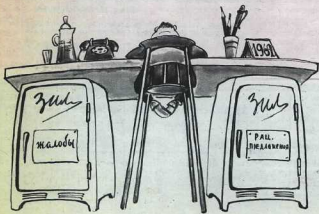
КОВЕР-САМОЛЕТ

Рисунки С. Спасного и А. Ларинова.

ЗАМОРОЗИЛ

Рисунки Г. и В. Караваевых.

Фелбетон и фелбетоне

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Об отстающей стройке как-то Мы написали фельетон. В нем были цифры, были факты. Когда прочел его редактор, С усмехом нас попросили: «Вам тему правильно задали, и ваши выводы верны, Но... отмечать через неделю Мы День строителя должны. Значит же подайте праздник! — Есть много тем на свете разнхиз! И все ж мы перья не сломаем. Поехав в угольный район, Мы через месяц предложили Газете новый фельетон. Он весь на фактах был основан, И в нем имели мы в виду Тога, что с техникой новой, Как говорится, не в ладу «Ну что ж, написано с задором, — Редактор руки нам пожал: — Но дело в том, что омынь скоро Мы отмычем День шахтера — Другой нам нужен материал. Зачем шахтерам портить праздник! — Есть много тем на свете разнхиз!

Вы б написали лучше басню Про воробья, про сигару, Ну, как, вам ясно? ефет, не есно! Боймсь, честно говоря, Что мы напишем пять страниц Про сигару, чижик, синиц, А вы нам скажете: «Прекрасно, Но... на носу у нас День птиц. Зачем же птицам портить праздник! Простите нас, редактор милый, Иная мысль нас основила, Решили мы на новый тон Теперь свою настроят лиру: О вас напишем фельетон, Не домыслив Дня сатиры!»

К 8 Марта.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

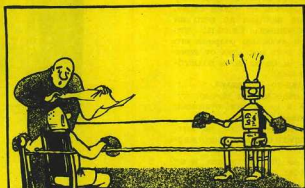

Рисунок Р. Овсянова.

— Поздравляю!

Рисунок А. Петрова.

— ...и не забывая, что у этого парня железные нервы!

Рисунок А. Бискунова.

Рисунок В. Абрама (г. Тбилиси).

ШУТКИ-МАЛОУШКИ

Он критиковал руководство, утверждая, что со стороны недостатков виднее. Вскоре его уволили, чтобы ему еще легче было замечать недостатки.

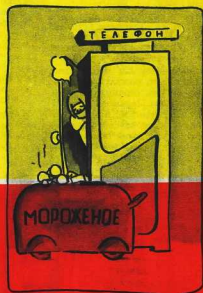
Египетский сфинкс — первый, но классической типидеологии в его репертуаре была только одна загадка.

А. Васеринг (г. Харьков)

Когда занавес поднялся, на сцене не было никого. Когда он опускался, в зале не было никого.

И футболисты ищут свое место и позицию: сегодня — шикстер, завтра — арванец, а послезавтра — автозащитчик.

В. Зеленецкий (г. Харьков)

— Не хотите мороженого?

Рисунок Г. Оганесова.

Первая страница обложки: Гела Поддипинов (слева) и Гала Иманова — попутчики. Они работают на одном заводе, в одном цехе, всегда неразлучны, всегда готовы поделиться самым современным. И уж, конечно, никогда не спрашивают друг от друга секретов мастерства! (Фотографировано в Гале Поддипиной см. на стр. 3—5)

Фота И. МУРАДОВА.

Четвертая страница обложки и К. Юрия фигуристы после тренировки. Фотограф Г. ТЕР-ОБАНЕСОВА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаквская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутиратор Е 1-76-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; озерная и публицистика — доб. 3-52; международная жетина — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информация — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники — г. 7-55-62; сатиры и юмора — доб. 4-79; оформления — Б 7-51-62.

Главный редактор А. В. Иванов.

Редакция: Ю. И. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Разуминский (заместитель главного редактора), Е. И. Рабчинко, А. А. Сосна, Б. М. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стунов.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00041. Подписано и печатано 28/II 1962 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 479. Заказ № 453.

Формат бумаги 70х100/16. 2 6 л. — 5 48 л. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» Москва, ул. «Правды», 24.

Вова, вова, вова...

Слова В. БОКОВА

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО

Хорошо сидеть у печки.
Руки греть и аспиринать.
Как ходил к Волге-реке
На песочек загорать.

Песни звоние все лето
Лет волшебнейшей порой.

Привет.

Хорошо у печки греться,
Угочем радувать
И скважо выюги красно лето,
Красно лето в гости звать.

Привет: Выюга, выюга, выюга...
Не ходите: занесет.

Друга, друга, друга, друга
Сердце девичье найдет.
Друга, друга
Сердце девичье найдет.

Как над речкой до рассвета
Однимой соловей

Привет: Выюга, выюга, выюга...
Не ходите: занесет.
Друга, друга, друга, друга
Сердце девичье найдет.
Друга, друга
Сердце девичье найдет.

Болтушечко, излетю

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО. Текст В. БОКОВА. Музыкальная запись с нотами и лириками.

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО. Текст В. БОКОВА. Музыкальная запись с нотами и лириками.

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО. Текст В. БОКОВА. Музыкальная запись с нотами и лириками.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЯ

ИТОГИ ДЕСЯТОГО ТУРА

Галлигоро (1863—1921 гг.), чьи задачи благодаря оригинальному замыслу легкости построения и труднокоридным решениям известны широкой известности.

В десятом, заключительном туре нашей шахматной олимпиады участниками предложено ответить на десять вопросов викторины. 1270 любителей шахмат приняли участие в десятом туре. Жюри рассмотрело все присланные работы и определило группу победителей, набравших не менее 10 баллов из 20 возможных. Они будут отмечены специальными дипломами.

Вот кто оказался победителем десятого тура олимпиады: И. Виноградов (г. Еришо, Архангельской области), А. Варнов (г. Черкесск, Ставропольского края), Г. Голиц (г. Крошкетат), А. Григорьев (г. Баку, Армянской ССР), А. Демууров (г. Тбилиси), Г. Муртаев (г. В. Бокор, Калининской области), В. Муравьев (г. Молоково, Приморского края), А. Нарсаев (г. Севастополь), И. Чаша Гезиэль (г. Колесниково (г. Юшар-Ола), В. Печуров (г. Угатур), В. Пегарамет (г. Магнитогорск), Л. Петрова (г. Коплюно Ленинградской области), Ф. Рагозин (г. Барнаул), Е. Соловьев (г. Севастополь), Я. Чернин (г. Египет), Э. Чухч (г. Талкент), Ш. Шихраев (г. Раменское, Московской области), А. Ярускин (г. Юшар-Ола) — по 20 баллов; И. Алехин (г. Пензенский край), И. Баканов (Архангельский край), Я. Вендуз (г. Ругай, Латвийской ССР), М. Вадурин (г. Магнитогорск), М. Варченко (г. Миргород), И. Власов (г. Красноярск), Э. Габасов (г. Уфа), Г. Гвич (г. Ленинград), К. Коткин (г. Петровск-Камчатский), М. Мурчинов (г. Кадырлы, Ташкентской области), И. Куралов (г. Еришо), Г. Иманов (г. Рух, Грузинской ССР), А. Нинюнов (г. Воронеж), В. Сивенко (г. Томск), И. Сиверия (г. Альберт), А. Фомин (г. Севастополь), И. Шевцов (г. Орлов, Ленинградская область) — по 19 баллов.

Об итогах пятой шахматной олимпиады «Смена» мы расскажем в № 6 нашего журнала.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

1. Первые матч-реванши на мировое шахматное первенство происходили в Москве с 7 ноября 1866 года по 14 января 1867 года. Победителем чемпион мира Э. Ласкер и экс-чемпион В. Стейнвинг.
2. Этот матч-реванш игрался до 10 побед одного из партнеров и закончился в пользу Ласкера, который выиграл 10 партий, проиграл 4 и сыгралничью 3 (общий счет 12½ : 4½).
3. Автор этой задачи — выдающийся французский писатель XIX века Альфред Мюссе (1810—1857 г.).
4. Все партии международного турнира в Меце в 1903 году начались, в обязательном порядке) королевским гамбитом.
5. В. В. Стейнвинг в этом турнире одержал с результатом 13 очков из 16 партий русской победы над М. Чигринов (1850—1908 г.).
6. В. В. Стейнвинг в Гаване игрался три матча на мировое шахматное первенство. В 1889 году В. Стейнвинг выиграл у М. Чигринова со счетом +10 — 7 = 1.
7. В 1892 году В. Стейнвинг выиграл у М. Чигринова с результатом +10 — 8 = 6.
8. В 1921 году Капабланка победила Э. Ласкера «сухою» +4 — 0 = 10.
9. Реферетный финал, который был проведен на диаграмме, имел место в числуверной в свое время партии Земле-ринского международного турнира 1926 года, выигранной гениальным русским гроссмейстером А. Ласкером у Г. Девинсона.
10. После XII шахматного чемпионата СССР (1940 г.), победителем которого явился И. Болеславский и В. Сивенко, осенью 1941 года в Москве и Ленинграде состоялось четырехкруговое матч-турнир. В этом составили участвовали: И. Болеславский, И. Берес, И. Болеславский и В. Сивенко. Первое место (19½) из 20 партий выиграл чемпион олимпиады СССР по шахматам завоевав призовые лидер советской шахматной школы, нынешний чемпион мира М. Ботвинник.

Эта остроумная задача на мет четрым ходом впервые напечатана в 1893 году в журнале «Шахматное обозрение», редакция т. А.

1. С07 К53 2. Фe8-Kp4 3. Фe7-Kf3 4. Фe8-Kf3 5. Фe7-Kf3 6. Фe8-Kf3 7. Фe7-Kf3 8. Фe8-Kf3 9. Фe7-Kf3 10. Фe8-Kf3 11. Фe7-Kf3 12. Фe8-Kf3 13. Фe7-Kf3 14. Фe8-Kf3 15. Фe7-Kf3 16. Фe8-Kf3 17. Фe7-Kf3 18. Фe8-Kf3 19. Фe7-Kf3 20. Фe8-Kf3 21. Фe7-Kf3 22. Фe8-Kf3 23. Фe7-Kf3 24. Фe8-Kf3 25. Фe7-Kf3 26. Фe8-Kf3 27. Фe7-Kf3 28. Фe8-Kf3 29. Фe7-Kf3 30. Фe8-Kf3 31. Фe7-Kf3 32. Фe8-Kf3 33. Фe7-Kf3 34. Фe8-Kf3 35. Фe7-Kf3 36. Фe8-Kf3 37. Фe7-Kf3 38. Фe8-Kf3 39. Фe7-Kf3 40. Фe8-Kf3 41. Фe7-Kf3 42. Фe8-Kf3 43. Фe7-Kf3 44. Фe8-Kf3 45. Фe7-Kf3 46. Фe8-Kf3 47. Фe7-Kf3 48. Фe8-Kf3 49. Фe7-Kf3 50. Фe8-Kf3 51. Фe7-Kf3 52. Фe8-Kf3 53. Фe7-Kf3 54. Фe8-Kf3 55. Фe7-Kf3 56. Фe8-Kf3 57. Фe7-Kf3 58. Фe8-Kf3 59. Фe7-Kf3 60. Фe8-Kf3 61. Фe7-Kf3 62. Фe8-Kf3 63. Фe7-Kf3 64. Фe8-Kf3 65. Фe7-Kf3 66. Фe8-Kf3 67. Фe7-Kf3 68. Фe8-Kf3 69. Фe7-Kf3 70. Фe8-Kf3 71. Фe7-Kf3 72. Фe8-Kf3 73. Фe7-Kf3 74. Фe8-Kf3 75. Фe7-Kf3 76. Фe8-Kf3 77. Фe7-Kf3 78. Фe8-Kf3 79. Фe7-Kf3 80. Фe8-Kf3 81. Фe7-Kf3 82. Фe8-Kf3 83. Фe7-Kf3 84. Фe8-Kf3 85. Фe7-Kf3 86. Фe8-Kf3 87. Фe7-Kf3 88. Фe8-Kf3 89. Фe7-Kf3 90. Фe8-Kf3 91. Фe7-Kf3 92. Фe8-Kf3 93. Фe7-Kf3 94. Фe8-Kf3 95. Фe7-Kf3 96. Фe8-Kf3 97. Фe7-Kf3 98. Фe8-Kf3 99. Фe7-Kf3 100. Фe8-Kf3 101. Фe7-Kf3 102. Фe8-Kf3 103. Фe7-Kf3 104. Фe8-Kf3 105. Фe7-Kf3 106. Фe8-Kf3 107. Фe7-Kf3 108. Фe8-Kf3 109. Фe7-Kf3 110. Фe8-Kf3 111. Фe7-Kf3 112. Фe8-Kf3 113. Фe7-Kf3 114. Фe8-Kf3 115. Фe7-Kf3 116. Фe8-Kf3 117. Фe7-Kf3 118. Фe8-Kf3 119. Фe7-Kf3 120. Фe8-Kf3 121. Фe7-Kf3 122. Фe8-Kf3 123. Фe7-Kf3 124. Фe8-Kf3 125. Фe7-Kf3 126. Фe8-Kf3 127. Фe7-Kf3 128. Фe8-Kf3 129. Фe7-Kf3 130. Фe8-Kf3 131. Фe7-Kf3 132. Фe8-Kf3 133. Фe7-Kf3 134. Фe8-Kf3 135. Фe7-Kf3 136. Фe8-Kf3 137. Фe7-Kf3 138. Фe8-Kf3 139. Фe7-Kf3 140. Фe8-Kf3 141. Фe7-Kf3 142. Фe8-Kf3 143. Фe7-Kf3 144. Фe8-Kf3 145. Фe7-Kf3 146. Фe8-Kf3 147. Фe7-Kf3 148. Фe8-Kf3 149. Фe7-Kf3 150. Фe8-Kf3 151. Фe7-Kf3 152. Фe8-Kf3 153. Фe7-Kf3 154. Фe8-Kf3 155. Фe7-Kf3 156. Фe8-Kf3 157. Фe7-Kf3 158. Фe8-Kf3 159. Фe7-Kf3 160. Фe8-Kf3 161. Фe7-Kf3 162. Фe8-Kf3 163. Фe7-Kf3 164. Фe8-Kf3 165. Фe7-Kf3 166. Фe8-Kf3 167. Фe7-Kf3 168. Фe8-Kf3 169. Фe7-Kf3 170. Фe8-Kf3 171. Фe7-Kf3 172. Фe8-Kf3 173. Фe7-Kf3 174. Фe8-Kf3 175. Фe7-Kf3 176. Фe8-Kf3 177. Фe7-Kf3 178. Фe8-Kf3 179. Фe7-Kf3 180. Фe8-Kf3 181. Фe7-Kf3 182. Фe8-Kf3 183. Фe7-Kf3 184. Фe8-Kf3 185. Фe7-Kf3 186. Фe8-Kf3 187. Фe7-Kf3 188. Фe8-Kf3 189. Фe7-Kf3 190. Фe8-Kf3 191. Фe7-Kf3 192. Фe8-Kf3 193. Фe7-Kf3 194. Фe8-Kf3 195. Фe7-Kf3 196. Фe8-Kf3 197. Фe7-Kf3 198. Фe8-Kf3 199. Фe7-Kf3 200. Фe8-Kf3 201. Фe7-Kf3 202. Фe8-Kf3 203. Фe7-Kf3 204. Фe8-Kf3 205. Фe7-Kf3 206. Фe8-Kf3 207. Фe7-Kf3 208. Фe8-Kf3 209. Фe7-Kf3 210. Фe8-Kf3 211. Фe7-Kf3 212. Фe8-Kf3 213. Фe7-Kf3 214. Фe8-Kf3 215. Фe7-Kf3 216. Фe8-Kf3 217. Фe7-Kf3 218. Фe8-Kf3 219. Фe7-Kf3 220. Фe8-Kf3 221. Фe7-Kf3 222. Фe8-Kf3 223. Фe7-Kf3 224. Фe8-Kf3 225. Фe7-Kf3 226. Фe8-Kf3 227. Фe7-Kf3 228. Фe8-Kf3 229. Фe7-Kf3 230. Фe8-Kf3 231. Фe7-Kf3 232. Фe8-Kf3 233. Фe7-Kf3 234. Фe8-Kf3 235. Фe7-Kf3 236. Фe8-Kf3 237. Фe7-Kf3 238. Фe8-Kf3 239. Фe7-Kf3 240. Фe8-Kf3 241. Фe7-Kf3 242. Фe8-Kf3 243. Фe7-Kf3 244. Фe8-Kf3 245. Фe7-Kf3 246. Фe8-Kf3 247. Фe7-Kf3 248. Фe8-Kf3 249. Фe7-Kf3 250. Фe8-Kf3 251. Фe7-Kf3 252. Фe8-Kf3 253. Фe7-Kf3 254. Фe8-Kf3 255. Фe7-Kf3 256. Фe8-Kf3 257. Фe7-Kf3 258. Фe8-Kf3 259. Фe7-Kf3 260. Фe8-Kf3 261. Фe7-Kf3 262. Фe8-Kf3 263. Фe7-Kf3 264. Фe8-Kf3 265. Фe7-Kf3 266. Фe8-Kf3 267. Фe7-Kf3 268. Фe8-Kf3 269. Фe7-Kf3 270. Фe8-Kf3 271. Фe7-Kf3 272. Фe8-Kf3 273. Фe7-Kf3 274. Фe8-Kf3 275. Фe7-Kf3 276. Фe8-Kf3 277. Фe7-Kf3 278. Фe8-Kf3 279. Фe7-Kf3 280. Фe8-Kf3 281. Фe7-Kf3 282. Фe8-Kf3 283. Фe7-Kf3 284. Фe8-Kf3 285. Фe7-Kf3 286. Фe8-Kf3 287. Фe7-Kf3 288. Фe8-Kf3 289. Фe7-Kf3 290. Фe8-Kf3 291. Фe7-Kf3 292. Фe8-Kf3 293. Фe7-Kf3 294. Фe8-Kf3 295. Фe7-Kf3 296. Фe8-Kf3 297. Фe7-Kf3 298. Фe8-Kf3 299. Фe7-Kf3 300. Фe8-Kf3 301. Фe7-Kf3 302. Фe8-Kf3 303. Фe7-Kf3 304. Фe8-Kf3 305. Фe7-Kf3 306. Фe8-Kf3 307. Фe7-Kf3 308. Фe8-Kf3 309. Фe7-Kf3 310. Фe8-Kf3 311. Фe7-Kf3 312. Фe8-Kf3 313. Фe7-Kf3 314. Фe8-Kf3 315. Фe7-Kf3 316. Фe8-Kf3 317. Фe7-Kf3 318. Фe8-Kf3 319. Фe7-Kf3 320. Фe8-Kf3 321. Фe7-Kf3 322. Фe8-Kf3 323. Фe7-Kf3 324. Фe8-Kf3 325. Фe7-Kf3 326. Фe8-Kf3 327. Фe7-Kf3 328. Фe8-Kf3 329. Фe7-Kf3 330. Фe8-Kf3 331. Фe7-Kf3 332. Фe8-Kf3 333. Фe7-Kf3 334. Фe8-Kf3 335. Фe7-Kf3 336. Фe8-Kf3 337. Фe7-Kf3 338. Фe8-Kf3 339. Фe7-Kf3 340. Фe8-Kf3 341. Фe7-Kf3 342. Фe8-Kf3 343. Фe7-Kf3 344. Фe8-Kf3 345. Фe7-Kf3 346. Фe8-Kf3 347. Фe7-Kf3 348. Фe8-Kf3 349. Фe7-Kf3 350. Фe8-Kf3 351. Фe7-Kf3 352. Фe8-Kf3 353. Фe7-Kf3 354. Фe8-Kf3 355. Фe7-Kf3 356. Фe8-Kf3 357. Фe7-Kf3 358. Фe8-Kf3 359. Фe7-Kf3 360. Фe8-Kf3 361. Фe7-Kf3 362. Фe8-Kf3 363. Фe7-Kf3 364. Фe8-Kf3 365. Фe7-Kf3 366. Фe8-Kf3 367. Фe7-Kf3 368. Фe8-Kf3 369. Фe7-Kf3 370. Фe8-Kf3 371. Фe7-Kf3 372. Фe8-Kf3 373. Фe7-Kf3 374. Фe8-Kf3 375. Фe7-Kf3 376. Фe8-Kf3 377. Фe7-Kf3 378. Фe8-Kf3 379. Фe7-Kf3 380. Фe8-Kf3 381. Фe7-Kf3 382. Фe8-Kf3 383. Фe7-Kf3 384. Фe8-Kf3 385. Фe7-Kf3 386. Фe8-Kf3 387. Фe7-Kf3 388. Фe8-Kf3 389. Фe7-Kf3 390. Фe8-Kf3 391. Фe7-Kf3 392. Фe8-Kf3 393. Фe7-Kf3 394. Фe8-Kf3 395. Фe7-Kf3 396. Фe8-Kf3 397. Фe7-Kf3 398. Фe8-Kf3 399. Фe7-Kf3 400. Фe8-Kf3 401. Фe7-Kf3 402. Фe8-Kf3 403. Фe7-Kf3 404. Фe8-Kf3 405. Фe7-Kf3 406. Фe8-Kf3 407. Фe7-Kf3 408. Фe8-Kf3 409. Фe7-Kf3 410. Фe8-Kf3 411. Фe7-Kf3 412. Фe8-Kf3 413. Фe7-Kf3 414. Фe8-Kf3 415. Фe7-Kf3 416. Фe8-Kf3 417. Фe7-Kf3 418. Фe8-Kf3 419. Фe7-Kf3 420. Фe8-Kf3 421. Фe7-Kf3 422. Фe8-Kf3 423. Фe7-Kf3 424. Фe8-Kf3 425. Фe7-Kf3 426. Фe8-Kf3 427. Фe7-Kf3 428. Фe8-Kf3 429. Фe7-Kf3 430. Фe8-Kf3 431. Фe7-Kf3 432. Фe8-Kf3 433. Фe7-Kf3 434. Фe8-Kf3 435. Фe7-Kf3 436. Фe8-Kf3 437. Фe7-Kf3 438. Фe8-Kf3 439. Фe7-Kf3 440. Фe8-Kf3 441. Фe7-Kf3 442. Фe8-Kf3 443. Фe7-Kf3 444. Фe8-Kf3 445. Фe7-Kf3 446. Фe8-Kf3 447. Фe7-Kf3 448. Фe8-Kf3 449. Фe7-Kf3 450. Фe8-Kf3 451. Фe7-Kf3 452. Фe8-Kf3 453. Фe7-Kf3 454. Фe8-Kf3 455. Фe7-Kf3 456. Фe8-Kf3 457. Фe7-Kf3 458. Фe8-Kf3 459. Фe7-Kf3 460. Фe8-Kf3 461. Фe7-Kf3 462. Фe8-Kf3 463. Фe7-Kf3 464. Фe8-Kf3 465. Фe7-Kf3 466. Фe8-Kf3 467. Фe7-Kf3 468. Фe8-Kf3 469. Фe7-Kf3 470. Фe8-Kf3 471. Фe7-Kf3 472. Фe8-Kf3 473. Фe7-Kf3 474. Фe8-Kf3 475. Фe7-Kf3 476. Фe8-Kf3 477. Фe7-Kf3 478. Фe8-Kf3 479. Фe7-Kf3 480. Фe8-Kf3 481. Фe7-Kf3 482. Фe8-Kf3 483. Фe7-Kf3 484. Фe8-Kf3 485. Фe7-Kf3 486. Фe8-Kf3 487. Фe7-Kf3 488. Фe8-Kf3 489. Фe7-Kf3 490. Фe8-Kf3 491. Фe7-Kf3 492. Фe8-Kf3 493. Фe7-Kf3 494. Фe8-Kf3 495. Фe7-Kf3 496. Фe8-Kf3 497. Фe7-Kf3 498. Фe8-Kf3 499. Фe7-Kf3 500. Фe8-Kf3 501. Фe7-Kf3 502. Фe8-Kf3 503. Фe7-Kf3 504. Фe8-Kf3 505. Фe7-Kf3 506. Фe8-Kf3 507. Фe7-Kf3 508. Фe8-Kf3 509. Фe7-Kf3 510. Фe8-Kf3 511. Фe7-Kf3 512. Фe8-Kf3 513. Фe7-Kf3 514. Фe8-Kf3 515. Фe7-Kf3 516. Фe8-Kf3 517. Фe7-Kf3 518. Фe8-Kf3 519. Фe7-Kf3 520. Фe8-Kf3 521. Фe7-Kf3 522. Фe8-Kf3 523. Фe7-Kf3 524. Фe8-Kf3 525. Фe7-Kf3 526. Фe8-Kf3 527. Фe7-Kf3 528. Фe8-Kf3 529. Фe7-Kf3 530. Фe8-Kf3 531. Фe7-Kf3 532. Фe8-Kf3 533. Фe7-Kf3 534. Фe8-Kf3 535. Фe7-Kf3 536. Фe8-Kf3 537. Фe7-Kf3 538. Фe8-Kf3 539. Фe7-Kf3 540. Фe8-Kf3 541. Фe7-Kf3 542. Фe8-Kf3 543. Фe7-Kf3 544. Фe8-Kf3 545. Фe7-Kf3 546. Фe8-Kf3 547. Фe7-Kf3 548. Фe8-Kf3 549. Фe7-Kf3 550. Фe8-Kf3 551. Фe7-Kf3 552. Фe8-Kf3 553. Фe7-Kf3 554. Фe8-Kf3 555. Фe7-Kf3 556. Фe8-Kf3 557. Фe7-Kf3 558. Фe8-Kf3 559. Фe7-Kf3 560. Фe8-Kf3 561. Фe7-Kf3 562. Фe8-Kf3 563. Фe7-Kf3 564. Фe8-Kf3 565. Фe7-Kf3 566. Фe8-Kf3 567. Фe7-Kf3 568. Фe8-Kf3 569. Фe7-Kf3 570. Фe8-Kf3 571. Фe7-Kf3 572. Фe8-Kf3 573. Фe7-Kf3 574. Фe8-Kf3 575. Фe7-Kf3 576. Фe8-Kf3 577. Фe7-Kf3 578. Фe8-Kf3 579. Фe7-Kf3 580. Фe8-Kf3 581. Фe7-Kf3 582. Фe8-Kf3 583. Фe7-Kf3 584. Фe8-Kf3 585. Фe7-Kf3 586. Фe8-Kf3 587. Фe7-Kf3 588. Фe8-Kf3 589. Фe7-Kf3 590. Фe8-Kf3 591. Фe7-Kf3 592. Фe8-Kf3 593. Фe7-Kf3 594. Фe8-Kf3 595. Фe7-Kf3 596. Фe8-Kf3 597. Фe7-Kf3 598. Фe8-Kf3 599. Фe7-Kf3 600. Фe8-Kf3 601. Фe7-Kf3 602. Фe8-Kf3 603. Фe7-Kf3 604. Фe8-Kf3 605. Фe7-Kf3 606. Фe8-Kf3 607. Фe7-Kf3 608. Фe8-Kf3 609. Фe7-Kf3 610. Фe8-Kf3 611. Фe7-Kf3 612. Фe8-Kf3 613. Фe7-Kf3 614. Фe8-Kf3 615. Фe7-Kf3 616. Фe8-Kf3 617. Фe7-Kf3 618. Фe8-Kf3 619. Фe7-Kf3 620. Фe8-Kf3 621. Фe7-Kf3 622. Фe8-Kf3 623. Фe7-Kf3 624. Фe8-Kf3 625. Фe7-Kf3 626. Фe8-Kf3 627. Фe7-Kf3 628. Фe8-Kf3 629. Фe7-Kf3 630. Фe8-Kf3 631. Фe7-Kf3 632. Фe8-Kf3 633. Фe7-Kf3 634. Фe8-Kf3 635. Фe7-Kf3 636. Фe8-Kf3 637. Фe7-Kf3 638. Фe8-Kf3 639. Фe7-Kf3 640. Фe8-Kf3 641. Фe7-Kf3 642. Фe8-Kf3 643. Фe7-Kf3 644. Фe8-Kf3 645. Фe7-Kf3 646. Фe8-Kf3 647. Фe7-Kf3 648. Фe8-Kf3 649. Фe7-Kf3 650. Фe8-Kf3 651. Фe7-Kf3 652. Фe8-Kf3 653. Фe7-Kf3 654. Фe8-Kf3 655. Фe7-Kf3 656. Фe8-Kf3 657. Фe7-Kf3 658. Фe8-Kf3 659. Фe7-Kf3 660. Фe8-Kf3 661. Фe7-Kf3 662. Фe8-Kf3 663. Фe7-Kf3 664. Фe8-Kf3 665. Фe7-Kf3 666. Фe8-Kf3 667. Фe7-Kf3 668. Фe8-Kf3 669. Фe7-Kf3 670. Фe8-Kf3 671. Фe7-Kf3 672. Фe8-Kf3 673. Фe7-Kf3 674. Фe8-Kf3 675. Фe7-Kf3 676. Фe8-Kf3 677. Фe7-Kf3 678. Фe8-Kf3 679. Фe7-Kf3 680. Фe8-Kf3 681. Фe7-Kf3 682. Фe8-Kf3 683. Фe7-Kf3 684. Фe8-Kf3 685. Фe7-Kf3 686. Фe8-Kf3 687. Фe7-Kf3 688. Фe8-Kf3 689. Фe7-Kf3 690. Фe8-Kf3 691. Фe7-Kf3 692. Фe8-Kf3 693. Фe7-Kf3 694. Фe8-Kf3 695. Фe7-Kf3 696. Фe8-Kf3 697. Фe7-Kf3 698. Фe8-Kf3 699. Фe7-Kf3 700. Фe8-Kf3 701. Фe7-Kf3 702. Фe8-Kf3 703. Фe7-Kf3 704. Фe8-Kf3 705. Фe7-Kf3 706. Фe8-Kf3 707. Фe7-Kf3 708. Фe8-Kf3 709. Фe7-Kf3 710. Фe8-Kf3 711. Фe7-Kf3 712. Фe8-Kf3 713. Фe7-Kf3 714. Фe8-Kf3 715. Фe7-Kf3 716. Фe8-Kf3 717. Фe7-Kf3 718. Фe8-Kf3 719. Фe7-Kf3 720. Фe8-Kf3 721. Фe7-Kf3 722. Фe8-Kf3 723. Фe7-Kf3 724. Фe8-Kf3 725. Фe7-Kf3 726. Фe8-Kf3 727. Фe7-Kf3 728. Фe8-Kf3 729. Фe7-Kf3 730. Фe8-Kf3 731. Фe7-Kf3 732. Фe8-Kf3 733. Фe7-Kf3 734. Фe8-Kf3 735. Фe7-Kf3 736. Фe8-Kf3 737. Фe7-Kf3 738. Фe8-Kf3 739. Фe7-Kf3 740. Фe8-Kf3 741. Фe7-Kf3 742. Фe8-Kf3 743. Фe7-Kf3 744. Фe8-Kf3 745. Фe7-Kf3 746. Фe8-Kf3 747. Фe7-Kf3 748. Фe8-Kf3 749. Фe7-Kf3 750. Фe8-Kf3 751. Фe7-Kf3 752. Фe8-Kf3 753. Фe7-Kf3 754. Фe8-Kf3 755. Фe7-Kf3 756. Фe8-Kf3 757. Фe7-Kf3 758. Фe8-Kf3 759. Фe7-Kf3 760. Фe8-Kf3 761. Фe7-Kf3 762. Фe8-Kf3 763. Фe7-Kf3 764. Фe8-Kf3 765. Фe7-Kf3 766. Фe8-Kf3 767. Фe7-Kf3 768. Фe8-Kf3 769. Фe7-Kf3 770. Фe8-Kf3 771. Фe7-Kf3 772. Фe8-Kf3 773. Фe7-Kf3 774. Фe8-Kf3 775. Фe7-Kf3 776. Фe8-Kf3 777. Фe7-Kf3 778. Фe8-Kf3 779. Фe7-Kf3 780. Фe8-Kf3 781. Фe7-Kf3 782. Фe8-Kf3 783. Фe7-Kf3 784. Фe8-Kf3 785. Фe7-Kf3 786. Фe8-Kf3 787. Фe7-Kf3 788. Фe8-Kf3 789. Фe7-Kf3 790. Фe8-Kf3 791. Фe7-Kf3 792. Фe8-Kf3 793. Фe7-Kf3 794. Фe8-Kf3 795. Фe7-Kf3 796. Фe8-Kf3 797. Фe7-Kf3 798. Фe8-Kf3 799. Фe7-Kf3 800. Фe8-Kf3 801. Фe7-Kf3 802. Фe8-Kf3 803. Фe7-Kf3 804. Фe8-Kf3 805. Фe7-Kf3 806. Фe8-Kf3 807. Фe7-Kf3 808. Фe8-Kf3 809. Фe7-Kf3 810. Фe8-Kf3 811. Фe7-Kf3 812. Фe8-Kf3 813. Фe7-Kf3 814. Фe8-Kf3 815. Фe7-Kf3 816. Фe8-Kf3 817. Фe7-Kf3 818. Фe8-Kf3 819. Фe7-Kf3 820. Фe8-Kf3 821. Фe7-Kf3 822. Фe8-Kf3 823. Фe7-Kf3 824. Фe8-Kf3 825. Фe7-Kf3 826. Фe8-Kf3 827. Фe7-Kf3 828. Фe8-Kf3 829. Фe7-Kf3 830. Фe8-Kf3 831. Фe7-Kf3 832. Фe8-Kf3 833. Фe7-Kf3 834. Фe8-Kf3 835. Фe7-Kf3 836. Фe8-Kf3 837. Фe7-Kf3 838. Фe8-Kf3 839. Фe7-Kf3 840. Фe8-Kf3 841. Фe7-Kf3 842. Фe8-Kf3 843. Фe7-Kf3 844. Фe8-Kf3 845. Фe7-Kf3 846. Фe8-Kf3 847. Фe7-Kf3 848. Фe8-Kf3 849. Фe7-Kf3 850. Фe8-Kf3 851. Фe7-Kf3 852. Фe8-Kf3 853. Фe7-Kf3 854. Фe8-Kf3 855. Фe7-Kf3 856. Фe8-Kf3 857. Фe7-Kf3 858. Фe8-Kf3 859. Фe7-Kf3 860. Фe8-Kf3 861. Фe7-Kf3 862. Фe8-Kf3 863. Фe7-Kf3 864. Фe8-Kf3 865. Фe7-Kf3 866. Фe8-Kf3 867. Фe7-Kf3 868. Фe8-Kf3 869. Фe7-Kf3 870. Фe8-Kf3 871. Фe7-Kf3 872. Фe8-K

